

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
_____ О.В. Магировская
«_____» _____ 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ
В НАРРАТИВАХ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ О КОНКИСТЕ:
ОПЫТ МУЛЬТИКАНАЛЬНОГО АННОТИРОВАНИЯ**

Научный руководитель	_____	канд. филол. наук, доц. кафедры ТГРЯиПЛ Ю.А. Горностаева
Выпускник	_____	А.Э. Хохрякова
Нормоконтролер	_____	Д.М. Тербалян

Красноярск 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АСПЕКТЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ	8
1.1. Культурная травма как социальный процесс	8
1.2. Культурная травма и коллективная идентичность	12
1.3. Культурная травма в языковом аспекте	14
1.4. Нарратив как коммуникативное пространство самоидентификации и передачи травмирующего опыта	17
1.5. Нарративный анализ и нарративное интервью как центральные методы сбора и исследования нарративов	24
1.6. Специфика мультимодального дискурса и мультимодального анализа ..	27
1.7. Испанская колонизации Латинской Америки: историческая справка	31
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	34
ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ И МУЛЬТИКАНАЛЬНОГО АННОТИРОВАНИЯ НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ О КОНКИСТЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	37
2.1. Дизайн нарративного интервью и лингвистическая разметка	37
2.2. Вербальная составляющая репрезентации компонента «природа боли» в нарративах социальных страданий о конкисте	42
2.3. Невербальная репрезентация компонента «природа боли» в нарративах социальных страданий о конкисте	50

2.4. Вербальная составляющая репрезентации компонента «природа жертвы» в нарративах социальных страданий о конкисте.....	54
2.5. Невербальная репрезентация компонента «природа жертвы» в нарративах социальных страданий о конкисте	58
2.6. Вербальная составляющая репрезентации компонента «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» в нарративах социальных страданий	62
2.7. Невербальная репрезентация компонента «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» в нарративах социальных страданий.....	66
2.8. Вербальная составляющая репрезентации компонента «возложение ответственности» в нарративах социальных страданий	69
2.9. Невербальная репрезентация компонента «возложение ответственности» в нарративах социальных страданий.....	72
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	76
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	80
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	83

ВВЕДЕНИЕ

Происходящие события в стране и мире никогда не остаются незамеченными, они всегда имеют свои экономические, политические и психологические последствия. Разного рода драматические события – войны, завоевания, пандемии и т. п. – травмируют общество и обязательно отражаются в языке. Процесс культурной травматизации представляет несомненный интерес в рамках социологических, лингвистических и политологических исследований, поскольку он напрямую связан с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти. На языковом уровне культурная травма всегда имеет свои вербальные и невербальные репрезентации, позволяющие идентифицировать ее в речи носителей определенной лингвокультуры.

В Латинской Америке таким травмирующим событием стала испанская конкиста, начавшаяся с момента открытия Колумбом Америки и закончившаяся уничтожением древних цивилизаций. 12 октября отмечается День испанской нации, который вызывает противоречивые чувства у представителей испаноязычной лингвокультуры, ведь в латиноамериканском обществе из поколения в поколение передаются воспоминания о тех травмирующих событиях.

Так, **объектом** данного исследования является мультимодальная репрезентация культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте.

Предмет исследования – вербальные и невербальные средства репрезентации культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте.

Цель исследования: выделить мультимодальные средства репрезентации культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте.

Таким образом, для достижения поставленной цели в рамках настоящего исследования решаются следующие **задачи**:

- 1) описать культурную травму как особую научную концепцию, предполагающую изучение значимых травмирующих общество событий;
- 2) охарактеризовать нарратив как речевой жанр;
- 3) представить нарративный анализ как метод исследования нарративов;
- 4) описать специфику мультимодального дискурса и принципы проведения мультимодального анализа;
- 5) провести эксперимент с представителями латиноамериканской лингвокультуры, подразумевающий запись нарративов в рамках интервью о травмирующем событии – испанской конкисте;
- 6) провести мультимедийное аннотирование видеointервью с применением системы для разметки мультимедийных данных ELAN;
- 7) выявить мультимодальные средства репрезентации культурной травмы в нарративах участников эксперимента.

Методы исследования: мультимодальный анализ, нарративный анализ, метод нарративного интервью, лексико-семантический анализ, коммуникативный анализ, мультимедийное аннотирование в программе «ELAN».

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использовать результаты в курсах по страноведению Испании и переводу, практическому курсу испанского языка, а также осуществлять эффективное межкультурное взаимодействие с представителями испаноязычной лингвокультуры в Латинской Америке с учетом травмирующих социальных факторов и распознавать на вербальном и невербальном уровнях влияние травмирующих социально-значимых изменений.

Актуальность темы обусловлена чрезвычайной важностью испанской конкисты как травмирующего события, изменившего ход истории всего человечества, а также самой научной концепцией культурной травматизации, позволяющей обнаруживать новые значимые и причинно-следственные

отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями.

Научная новизна работы определяется объектом данного исследования – конкистой, языковые аспекты которой еще не рассматривались в научных работах отечественных и зарубежных исследователей, в т. ч. с позиции травмирующего события в рамках теории культурной травмы.

Теоретическую и методологическую базу исследования формируют труды по теории культурной травматизации и культурному шоку (Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин, J.C. Alexander, E.V. Breese, R. Eyerman, P. Hayes, B. Manz, N.J. Smelser, P. Sztompka); научные работы, в центре внимания которых находится нарратив как речевой жанр и нарративный анализ как основной метод изучения нарратива (В.А. Андреева, В.Ф. Журавлев, Л.В. Куликова, Е.С. Кутковая, А.А. Кибрик, Ю.М. Лотман, П. Томпсон, И.В. Троцук, Е.Г. Трубина, В.И. Тюпа, В. Шмид, В.А. Ядов, Е.Р. Ярская-Смирнова, W. Labov, D.P. McAdams, J. Waletzky); исследовательские работы по языковой репрезентации культурной травмы (A. de Fina, R. Dinitto, A. Hashimoto); научные труды по истории Латинской Америки (М.С. Альперович, Д.А. Малинко, Л.Ю. Слезкин, А.Р. Эррера); а также работы посвященные мультимодальной лингвистике, мультимодальному дискурсу и мультимодальному дискурсивному анализу (А.А. Кибрик, М.В. Коновалова, D. Gibbon, D. Knight, G. Kress, I. Mertins, R.K. Moore, K.L. O'Hallaron, T. van Leeuwen).

Материалом бакалаврской работы послужили нарративные видеоинтервью с представителями латиноамериканской лингвокультуры общей продолжительностью 240 минут.

Структура работы: бакалаврская работа включает в себя введение, две главы, заключение и список литературы. Во введении приводятся объект и предмет изучения, указываются цель и задачи, методы и теоретико-методологическая база исследования, а также обосновывается актуальность, новизна и практическая значимость работы. В первой главе представлена

теория культурной травмы, дана характеристика нарративу как особому речевому жанру, представлено описание специфики мультимодального дискурса, а также описаны принцип проведения нарративного и мультимодального анализа и методика интервьюирования, являющиеся ведущими научными методами данной работы. Вторая глава представляет собой анализ нарративов, полученных в ходе эксперимента с респондентами из Латинской Америки и повествующих об испанской колонизации как о травмирующем событии, с последующим выделением вербальных и невербальных средств репрезентации культурной травмы.

Апробация. Работа была представлена в рамках следующих научных конференций: 1) «Язык, дискурс, интер(культура) в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, Красноярск, 2023, лауреат 3 степени), 2) «Актуальные вопросы цифровой лингвистики и лингводидактики» (СКФУ, 2023); 3) Science Talk (Красноярск, 2023); 4) «Язык, дискурс, интер(культура) в коммуникативном пространстве человека» (СФУ, Красноярск, 2024 лауреат 1 степени).

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРНАЯ ТРАВМА КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В АСПЕКТЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТИ

1.1. Культурная травма как социальный процесс

На протяжении XX века, поначалу в западных странах, а потом и в остальном мире, люди стали говорить, что они травмированы событиями прошлого и испытывают связанные с ними переживания в настоящем. После актов насилия и домогательств, резких и неожиданных перемен и трансформаций люди стали использовать «язык травмы» в процессе общения. Когда окружение отдельного человека или коллектива внезапно менялось непредвиденным и нежелательным образом, члены социума начинали описывать себя словом «травмированные» [Alexander, 2004].

Начиная с XX века «в повседневном опыте людей, в публичных дискуссиях и в средствах массовой информации появляется новый критический мотив, который имеет отношение к самой изменчивости жизни, характерной для современной формации, мотив недовольства ее темпами, охватываемой сферой и агрессивностью перемен» [Штомпка, 2020: 474]. Петр Штомпка дает данному направлению название «дискурс травмы», который представляет собой новый взгляд на репрезентацию социальных и культурных изменений и переживаний.

Другими словами, в языке начинают появляться особые средства выражения психологических переживаний всего общества или определённых социальных групп по поводу какого-то социально-значимого травмирующего события, которое оказало сильное влияние на их мироощущение и мировосприятие.

Травматический эффект возникает в результате какого-либо исторически значимого события, последствия которого влияют на жизнь отдельно взятого индивида. Однако культурная травма появляется не просто

вследствие того, что часть людей испытала боль, но еще и по причине того, что дискомфорт после травматического события влияет на общество в целом и проникает в самую суть культуры социума и коллективной идентичности [Там же: 10]. Это оставляет глубокие следы в групповом сознании и памяти, а, следовательно, фундаментально и безвозвратно изменяет групповую идентичность.

Так, основоположник теории культурной травматизации социолог Джеффри Александер определяет культурную травму следующим образом: «эмпирическая научная концепция, предполагающая новые значимые и причинно-следственные отношения между ранее не связанными событиями, структурами, восприятиями и действиями» [Там же: 12]. Культурная травма не является естественным природным явлением, а создается исключительно человеком и обществом.

Социальные группы, нации, а иногда даже целые цивилизации не только когнитивно определяют существование травмы, ее причины и источники, но и берут на себя некоторую ответственность за это. Когда коллективный опыт массового разрушения (социальный кризис) становится кризисом смысла и идентичности, тогда, по мнению Дж. Александера, можно говорить о культурной травме.

П. Штомпка определяет культурную травму как «стресс, вызванный социальными изменениями, которые касаются сферы культуры, а в итоге также коллективной и индивидуальной идентичности» [Штомпка, 2020: 491]. Таким образом, он выделяет нестабильность социального состояния человека и группы в результате проявления признаков культурной травмы. Вводя понятия «травматическая последовательность» и «травматический процесс» [Sztompka, 2000: 453], П. Штомпка отходит от статического восприятия культурной травмы и делает акцент на самой динамичности процесса проявления, развития и преодоления культурной травматизации.

Одним из условий возникновения культурной травмы может считаться дезорганизация и несогласованность в культуре общества, когда

«нормативный и когнитивный контекст человеческой жизни и социальных действий теряет гомогенность, согласованность и стабильность и становится противоположным культурным комплексом» [Там же, 453].

В данном случае можно говорить о культурном шоке как о начальной ступени процесса травматизации. «Это сложный и болезненный для человека процесс, в ходе которого идет ломка существующих стереотипов, для чего требуется огромная затрата физических и психологических ресурсов человека» [Грушевицкая, Попков, Садохин, 2003: 217].

Культурный шок может возникнуть, когда внезапное и неожиданное событие или воспоминание о нем оказывают сильное негативное влияние на представления человека о фундаментальных ценностях культуры, основы идентичности и коллективной гордости. Появление шока возможно с установлением нового режима власти и образа жизни, радикальными изменениями в экономике и политике.

Как только нарушения адаптации, непонимание и напряженность начинают восприниматься как проблема, которая требует исцеления уже на коллективном уровне, утешения и признание вины, культурный шок перерастает в культурную травму или травматическую последовательность.

Дж. Александер и П. Штомпка отмечают, что событие само по себе не вызывает культурную травму, оно лишь способно создать особый тип социальных изменений, в результате которых возникает данный вид травмы, так как они прогрессивно и негативно влияют на общество. Чтобы быть потенциально травмирующими, социальные изменения должны обладать следующими четырьмя характерными чертами:

1. Такое изменение характеризуется особым временным качеством – оно внезапное и быстрое.

2. Оно имеет содержание и размах – радикальное, глубокое, всестороннее, затрагивающее фундаментальные основы общества.

3. У него есть определённые истоки – воспринимается как навязанное, экзогенное, приходящее извне, как что-то, чему мы сами не способствовали, а

если и делали, то невольно (мы «страдаем» от травм, травмы «происходят с нами»), мы «сталкиваемся» с травмами).

4. Оно встречается с определенным ментальным укладом – оно воспринимается как неожиданное, непредсказуемое, удивительное, шокирующие, отталкивающие [Sztompka, 2000: 452].

К событиям, которые способны вызвать травматогенные изменения, можно отнести, например, революции, акты терроризма и насилия, геноцид, массовые убийства, крах империи, убийство политического лидера, рассекречивание документов федеральных государственных архивов и другие.

В результате подобных событий алгоритмы работы государственных учреждений перестают справляться с решением новых проблем, школы становятся не способны предоставить базовое образование, правительство оказывается не в состоянии обеспечить элементарную защиту населению, что приводит к кризису и делигитимации – лишению правомерности социальных институтов и власти. Социальные изменения приводят к экономическому кризису, что затрудняет производство и поставку основных товаров [Alexander, 2004: 10]. Состояние травмы, вызванное подобными событиями, является в целом исключительным и воспринимается негативно.

Культурная травма – это репрезентация боли и шока, полученная в результате какого-либо дисбаланса в культуре общества после травмирующего события. Сам процесс культурной травматизации в основном происходит через опосредованное переживание событий. Например, через радио, телевидение, газеты и книги, которые создают временную и пространственную дистанцию между событием и его переживанием. «Массово-опосредованный опыт всегда предполагает избирательное конструирование и репрезентацию, поскольку то, что визуализируется, является результатом действий и решений профессионалов относительно того, что является значительным и как это должно быть представлено» [Eyerman, 2004: 62].

Таким образом, можно сделать вывод, что культурная травма является одним из самых опасных видов травм, поскольку данное явление вызывает смещение и нарушения в культуре и социальной структуре целого сообщества. Вера подрывается, политические иды и моральные устои разрушаются, нормы и ценности теряют свою значимость, жесты и слова приобретают иные смыслы. Влияние культурной травмы заметно сильнее, если наблюдается значительные различия между устоявшимся образом жизни и новым, созданным впоследствии травмирующего события, что, в свою очередь, приводит к искажённому формированию коллективной идентичности.

1.2. Культурная травма и коллективная идентичность

Идеи коллективной и культурной травмы, коллективной памяти и коллективной идентичности часто ассоциируются друг с другом в литературе по социокультурной травме. Понятия коллективизма, коллективной идентичности напрямую связаны с социальными и культурными сферами жизни общества.

Так, П. Штомпка определяет коллективную идентичность как «ощущение общности и идентификация себя с членами определенной группы, выраженная субъективно понятием “мы”, ощущение, которое сопровождается осознанием отличия этой группы от лиц, находящихся вне ее и определяемых понятием “они”» [Штомпка, 2020: 206]. Коллективная идентичность формируется в результате создания прочных социальных и культурных связей между членами одной группы и может служить каркасом для определения коллективной культуры. Если происходят разрушения культурного порядка в обществе, культурный диссонанс, это вызывает затруднения у людей в определении их культурной и коллективной идентичности.

Некоторые исторические события трактуются как социально и культурно травмирующие, что зачастую связано с социальными потрясениями, которые нарушают организованную социальную систему. Она

включает в себя социальные роли и институты, которые классифицируются по функциональным признакам: экономические и правовые институты, медицинские и образовательные учреждения, семейные институты, а также систему ранжирования (стратификации) на социальные классы, расовые и этические группы. Так, культура тоже может быть определена как система, группировка элементов: ценностей, норм, мировоззрений, верований, идеологий, знаний и эмпирических утверждений. Культурная травма, которую относят к агрессивному событию, подрывает и подавляет один или несколько важнейших компонентов культуры и общества [Smelser, 2004]. Каждый член социального института или группы может идентифицировать себя как часть этого коллектива, а, являясь сторонником той или иной идеологии, человек причисляет себя к части данного культурного сообщества.

Травмирующие события в дополнение к своим разрушительным социальным последствиям также приводят к кризису культуры и идеологической системы. Нарушения в социальной системе незамедлительно приводят к изменениям в культурной системе общества и наоборот, поскольку все элементы системы взаимосвязаны.

«Травма – это коллективный феномен, состояние, испытываемое группой, сообществом или обществом в результате разрушительных событий, культурно интерпретируемых как травмирующие» [Sztompka, 2000: 458]. Культурная травма всегда влияет на коллектив и поэтому не может быть индивидуальным психологическим нарушением.

Под коллективной травмой подразумевается удар по основным областям социальной жизни общества. Она разрушает узы, связывающие людей в единое неразрывное целое, и подрывает преобладающее чувство общности. П. Штомпка отмечает, что коллективная травма не обладает качеством внезапности, обычно ассоциируемым с ней, она «медленно и коварно проникает в сознание тех, кто от нее страдает» [Там же: 458]. Более того, постепенное осознание того, что из-за культурной травмы общее чувство единения как эффективного источника поддержки «я» исчезло, может

шокировать людей и привести к потере коллективной идентичности, к потере категории «мы», т. е. важной части, связывающей людей [Там же].

Как культурный процесс, травма связана с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти. Культурная травма приводит к потере идентичности и смысла, к изменениям в социальной структуре группы людей, которая уже достигла определенной степени сплоченности [Eyerman, 2004].

В то же время Нил Смелзер указывает на то, что память о травмирующем событии является культурно значимой для народа. Это событие запоминается как чрезвычайно разрушительный и проблематичный коллективный опыт и, наряду со всеми сопутствующими негативными эмоциями, определяет коллективную идентичность народа [Smelser, 2004].

В заключение, можно сделать вывод, что культурная и коллективная принадлежность подразумевают создание ощущения психологической и социальной идентичности. Культурная травма, затрагивающая группу с определенным членством, в свою очередь, будет влиять на определение коллективной идентичности каждого члена данной социальной группы. И несмотря на то, что коллективная идентичность не обязательно выражается языковыми средствами, язык играет центральную роль в ее формировании.

1.3. Культурная травма в языковом аспекте

Американский социолог Джеффри Александер отмечает влияние культурной травмы на появление новых элементов в языке. Отдельные личности как члены социальной группы транслируют символические характеристики социальных событий, которые, в свою очередь, находят отражение в языке. Этот репрезентативный процесс создает новый господствующий нарратив социальных страданий.

Так, в религии лингвистический аспект проявляется в связи процесса травматизации и теодицеи. Другими словами, задачей языка является

объяснение и оправдание наличия мирового зла. К примеру, в книге Иовы задается вопрос: «Почему Бог допускает зло?». Решение данной задачи приводит к дискуссиям на тему приверженности людей к священным законам и богодухновенной этике и означает ли, что существование зла отрицает наличие Бога [Alexander, 2004].

Лингвистические изменения после культурных травм происходят и в литературе. Они выражаются в определенных жанрах и особенностях повествования, которые направлены на образную идентификацию травмы и эмоциональный катарсис. В частности, появление жанра «литература выживших» обусловлена культурными потрясениями после трагических событий Холокоста, фашизма, этноцида в Гватемале, геноцида индейцев в Северной и Южной Америке [Hayes, 1999].

«Когда средства массовой информации пытаются обозреть травматический процесс, он приобретает новые возможности языкового выражения, но в то же время подвергается изменениям из-за особого рода ограничений» [Alexander, 2004: 18]. Опосредованная среда СМИ позволяет драматизировать травмирующие события, вольно интерпретировать их, а также оказывать убедительное влияние на граждан. Конкуренция за аудиторию влияет на наличие преувеличений и искажений травматических событий в нарративе СМИ. В то же время репрезентация травмы накладывает некоторые ограничения и предъявляет определенные требования к новостным репортажам. Так, они должны соответствовать таким параметрам, как краткость, этическая нейтральность и баланс. Помимо этого, СМИ, в частности журналисты, телеведущие и редакторы, чьи репортажи установили факт травмы, подвергаются нападкам со стороны как группы «травмированных», так и со стороны «преступников», чаще всего политиков и представителей элиты. В 1960-е гг. антивоенные критики, такие как Спиро Агню, обвиняли СМИ в создании репортажей о наличии культурной травмы у гражданского населения Вьетнама из-за военных действий США.

Более того, когда культурная травма затрагивает правовую сферу жизни общества, она требует наличие в языке способов самовыражения, то есть терминов для определения процесса травматизации и вынесения вердиктов относительно юридических обязанностей, наказаний за преступления и материальной компенсации. Правовые акты, разработанные для судебных процессов в Нюрнберге в 1945 г., привели к появлению определений преступления против человечества и военных преступлений [Там же: 17].

В 1994 году в рамках Соглашения в Осло была создана Комиссия правды и примирения (СЕН) для ведения переговоров между правительством Гватемалы и повстанческих группировок. Через пять лет после проведения расследования и заслушивания показаний пострадавших сторон был опубликован ошеломляющий отчет, который подтверждал, что «вооруженные силы Гватемалы в рамках операций по борьбе с повстанцами с 1981 по 1983 года совершили акты геноцида по отношению к народу майя» [СЕН, 1999: 41]. В результате военных действий пострадало более сотни тысяч индейцев майя. Жители деревень стали свидетелями ужасных событий, которые нанесли психологическую травму и оставили неизгладимый след в их памяти. «Общественность была шокирована прямым языком заявления, а также количеством документов и доказательств, подтверждающих насильственные действия правительства» [Manz, 2002: 294].

Культурный травматизм может использовать государственную бюрократию и правительственную власть для репрезентации в языке. Так, лингвистический аспект толкования культурной травмы выражается в дискуссиях на собраниях комитетов, в опросах свидетелей во время полицейских расследований, в публичных выступлениях политиков на заседаниях парламента. Носителям культурной травмы необходимо проделать серьезную работу со смыслом языковых единиц, чтобы передать всю сложность и символичность истории [Alexander, 2004: 12].

Процесс травматизации влияет и на языковой аспект научного мира, становясь предметом споров, «разоблачений» и «пересмотров» исторических

событий. Историки, пытаясь категоризировать то или иное событие как травмирующее, должны документировать приемлемыми научными методами природу боли, жертв и ответственности. При этом процесс культурной классификации часто вызывает методологические противоречия [Там же: 19].

Таким образом, можно сделать вывод, что в реальной речевой практике лингвистический аспект культурной травмы находит выражение в различных сферах жизни общества. Язык культурной травматизации во многом обусловлен особенностями социальных институтов, иерархией и стратификацией, иными словами, язык выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия. Можно сделать предположение, что в так называемых нарративах социальных страданий о травмирующем событии языковой аспект культурной травмы, связанный с переживаниями по поводу данного события, проявляется наиболее ярко.

1.4. Нарратив как коммуникативное пространство самоидентификации и передачи травмирующего опыта

Понятие нарратива в последнее время часто используется применительно к психологическим, социологическим и лингвистическим исследованиям при рассмотрении способов коммуникации, самовосприятия, самоидентификации. Методы нарративного интервью и нарративного анализа используются при наличии интереса к смысловому содержанию и человеческому опыту.

Нарратология в XXI веке определяется как «междисциплинарная область исследований разнообразных практик формирования и ретрансляции событийного опыта, в первую очередь – речевых практик рассказывания историй» [Тюпа, 2022: 56]. Помимо художественных текстов, современная нарратология изучает нон-фикциональные истории и различные нарративные дискурсы.

По определению В. Шмида, немецкого нарратолога, филолога, русиста и теоретика литературы, нарративность представляет собой особую структуру излагаемого материала. Другими словами, тексты и рассказы должны излагать некую историю, которая подразумевает определенное событие, т. е. «изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акциональные и интеракционные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [Шмид, 2003: 10]. Так, произведения являются нарративными, если они излагают истории, в которых изображаются события, изменившие исходную ситуацию.

В.А. Андреева предполагает, что нарративность может быть определена как особая «практика текстообразующего способа представления мира или его фрагмента в виде сюжетных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [Андреева, 2009; 164]. Нарратор с помощью лингвистических средств разных уровней выделяет конкретное событие, подчеркивая его значение для процесса коммуникации и его участников. Важность взаимодействия двух сторон (рассказчика и воспринимающего) подчеркивала Елена Германовна Трубина. Нарратив – это не только продукт, но и процесс коммуникации, обмена между сторонами, обусловленный желанием, как минимум, одной из них [Трубина, 2002]. В.И. Тюпа, советский и российский литературовед, также рассматривает нарратив как смысловое единение содержания и события наррации [Тюпа, 2002].

Этот аспект в целом может быть назван критерием событийности, т. е. центральным в структуре сюжета является событие, нарушающее привычный ход вещей. «Событийная канва повествования должна отражать нарушение первоначального состояния равновесия, изменение ситуации качественно или просто во времени, т. е. элементы нарратива должны быть связаны не только временными, но и трансформационными отношениями» [Троцук, 2006].

Событие является стержнем повествования, центральным местом сюжета. Оно заключается «в некоем отклонении от законного, нормативного в данном мире, в нарушении одного из тех правил, соблюдение которых сохраняет порядок и устройство этого мира» [Шмид, 2003: 11]. Другими словами, «событие» зависит от понимания что есть «норма».

Норма является intersubъективным понятием, точкой согласия (имплицитная и/или эксплицитная) между несколькими сознаниями. Так, одно и то же происшествие с позиции одних представляется существенным, с точки зрения других – незначительным, а по мнению третьих, не существует вовсе. Именно для актуализации события необходимы, как минимум, два сознания: рассказывающего и воспринимающего рассказ. Тогда событие приобретает характер intersubъективности и становится интенциональным [Тюпа, 2022].

Ю.М. Лотман, советский и российский семиотик, культуролог, литературовед, не ограничивался сферой эпической художественности, а занимался семиотическими характеристиками событийности и предполагал, что событие – это «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970: 283]. Соответственно, прежде чем определять, является ли описание факта событием или несобытием, необходимо решить вопрос о его месте во вторичном структурном семантическом поле, которое определится типом культуры. Однако в пределах одной и той же схемы культуры один эпизод, «будучи помещен на различные структурные уровни, может стать или не стать событием» [Там же]. Это особенно характерно для исторических текстов, мемуаров, повествований о прошлом, в которых один и тот же факт может считаться вторичным по отношению к общей картине мира и не быть событием. Нарратив – это «мощное средство осмысления жизни. Только в результате возникновения повествовательных форм искусства человек научился различать сюжетный, событийный аспект реальности» [Лотман; цит. по: Тюпа, 2022: 60].

Однако рассматривается не только содержание нарратива (события, их смысл причинно-следственные отношения), но и временная связь состояний и

событий внутри повествования. Темпоральность является наиболее распространенным и общим свойством нарратива. Этот критерий предполагает, что нарративное повествование отличается от других лингвистических форм особой временной структурой. «Нарратив рассматривается как повествование – структурно заданный жанр, имеющий начало, конец, протагониста и события, расположенные в линейном порядке» [Кутковая, 2014: 28]. Другими словами, нарратив с помощью сложной временной организации связывает начало и конец истории, а также прошлое, настоящее и будущее.

Таким образом, нарратив – это повествование от первого лица о хронологически перечисленных событиях, которые характеризуются наличием завязки, развязки и эмоциональным отношением рассказчика к своей жизни. Такая форма повествования, отдаленная во времени от момента переживания ситуации, позволяет рассказчику отобрать и классифицировать эпизоды и события, тем самым выражая реальные эмоции от пережитого и вызывая сочувствие и доверие слушателя. Особой регулятивной функцией нарратива является вербальный трансфер ментального опыта [Куликова, Микалаускайте, 2020].

В нарратологии выделяют особый тип повествования – ксенонарратив, который определяется «как литературное повествование, тематически погруженное в контекст межкультурного взаимодействия, прагматически отражающее способ дискурсивной обработки культурно-языковой чужеродности и интенционально направленное на вербальный трансфер ментального опыта от автора-адресанта к читателю-адресату в формате литературно-нарративной коммуникации» [Микалаускайте; цит. по Куликова, Микалаускайте, 2020: 405–406].

Несмотря на то, что ксенонарративы чаще всего используются в контексте передачи опыта иммиграции в чужую страну и столкновения с другой культурой, они являются пространством для трансляции преодоления чужеродности. Нарратор, противопоставляя категории «мы» / «они», «свой» /

«чужой»), выражает свое отношение к людям, пространству, времени, нормам и поведению, пытаясь таким образом «минимизировать стресс адаптации, преодолевая конфронтацию культурной и языковой картин мира своей страны и принимающей лингвокультуры» [Там же: 405].

Помимо того, что нарратив является событийным повествованием, существует несколько актуальных направлений в методологии нарративного подхода.

Д. МакАдамс понимает под нарративом жизненную историю как основу идентичности человека в модернистском обществе. Он отмечает важность проведения анализа отдельных жизненных эпизодов, который позволяет сделать акценты не на план сюжета, а на план переживания, сфокусироваться на изучаемых аспектах идентичности [McAdams, 2003].

У. Лабов и Дж. Валецки изучают нарратив как структурированную определенным образом схему организации и воспроизведения опыта прошлого [Labov, Waletzky, 1966]. Они подчеркивали важность наличия собственного мнения у рассказчика о событиях, людях и последствиях. Модель структурного анализа нарратива, которую предложили У. Лабов и Дж. Валецки позволяет охарактеризовать анализируемый фрагмент как нарратив и определить функции высказываний для анализа убеждений и установок в истории.

Согласно мнению А. де Фина, истории личного опыта обладают характеристиками прототипических рассказов о событиях прошлого, изменивших нормальное положение дел, и транслируют определённое сообщение, являясь интерпретацией рассказчика об этих событиях и героях. Нарратив позволяет человеку структурировать понимание самого себя и свой жизненный опыт, а также занимает центральное место в изучении идентичности и является способом ее выражения, конструирования и воплощения [de Fina, 2003].

Репрезентация травмы проявляется в конструировании рассказа новой истории, которая в то же время является сложным и многозначным

символическим процессом. Дж. Александер вводит понятие «господствующего нарратива (master narrative)», в создании которого важную роль играют четыре репрезентации [Alexander, 2004].

1. Природа боли. Что именно произошло с определенной группой или целой общностью, к которой эта группа принадлежит?

2. Природа жертвы. Какая группа людей испытала эту травмирующую боль? Были ли это конкретные индивиды или группы, или «народ» в целом? Приняла ли на себя основную тяжесть боли единственная и ограниченная группа, или в этом были замешаны несколько групп?

3. Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией. В какой степени члены аудитории репрезентаций о травмах ощущают идентичность с группой, непосредственно подвергшейся нападению? Как правило, в самом начале процесса травмы часть аудитории видит очень слабую связь между собой и группой-жертвой или не видит ее. Только если жертвы будут представлены в терминах, описывающих их ценные качества, разделяемых более масштабной коллективной идентичностью, аудитория сможет символически присоединиться к переживанию первоначальной травмы.

4. Возложение ответственности. Для создания убедительного нарратива о травме крайне важно установить личность преступника – «антагониста». Кто травмировал жертву? Кто нанес травму? Этот аспект всегда является продуктом символического и социального конструирования [Там же].

Цель автора нарратива – представить заявление о травме аудитории-общественности. Данные четыре аспекта языковой репрезентации культурной травмы позволяют при нарративном анализе установить правдивость и актуальность символических ресурсов, используемых для рассказа о полученной культурной травмы. Следовательно, проследить, какой эффект оказывает процесс культурной травматизации на речь «жертв» и «преступников».

Акико Хасимото, проводя исследование о культурной травме, выделила три категории нарратива. Главным критерием является оценка морального

значения военных и политических действий и их влияние на формирование будущего травмируемой группы [Hashimoto, 2015].

Первая категория нарратива уделяет особое внимание павшим национальным героям. Эти героические повествования, как правило, содержат дискурс о долге, который часто звучит в официальных речах на торжественных мероприятиях. Это «облагораживающее повествование, направленное на поддержание чувства гордости за национальную принадлежность; в то же время оно отвлекает внимание от вины государства в развязывании войны» [Там же: 8].

Вторая категория нарратива способствует сопереживанию и отождествлению с жертвами трагедий. В ней преобладают семейные истории о травмирующем опыте и рассказы в популярной литературе. Данные нарративы описывают страдания жертв как результат жестокого, бездушного угнетения и непростительных актов пыток и насилия. Однако А. Хасимото отмечает, что иногда этот вид нарратива используется для «создания общего антивоенного настроения, подчеркивающего бессмысленность разрушений и крушение морального и материального порядка в мире» [Там же: 12], а не конкретной группы или нации.

Третий тип повествования контрастирует с первыми двумя. Это повествование о «преступнике», о «темном спуске в ад» [Там же: 8]. В нарратив вводится дискурс сожаления «преступника», который берет на себя ответственность за насилие и вред, которое он причинил. Это проявляется в журналистских расследованиях, документальных фильмах, академических публикациях и интеллектуальных дискуссиях, а также в мемуарах и рассказах ветеранов.

Данные виды нарративов о травмирующих событиях объясняют беспорядок в представлении нации о своей истории. Нарративы о травме – это национальное наследие, с помощью которого члены группы могут поделиться своими переживаниями с потомками. В повествованиях такого типа внимание сосредоточено не на страданиях отдельной личности из-за конкретного

события, а на истории, рассказанной о целом обществе, которое пострадало в результате долгого травматического процесса [Dinitto, 2014].

Таким образом, нарративы о травмируемом событии являются коммуникативным пространством трансляции травмирующего опыта, в концепции Дж. Александера получают название «нарративы социальных страданий». С помощью нарративного анализа и других вспомогательных лингвистических методов нам представляется возможным провести анализ нарратива социальных страданий на предмет выделения языковых средств репрезентации культурной травмы, позволяющих детектировать наличие культурной травмы, связанной с испанской конкистой, у представителей латиноамериканской лингвокультуры.

1.5. Нарративный анализ и нарративное интервью как центральные методы сбора и исследования нарративов

В данной работе применяется метод нарративного интервью, широко используемый в социологии, психологии и журналистике. Вопросы нарративного интервью построены с целью дать респонденту «нарративный импульс», то есть мотивировать к воспроизведению отдельных эпизодов, а активность респондента поддерживается в фазе «нарративных расспросов» – дополнительных вопросов о событии, упомянутом ранее [Журавлев, 1993: 37], что, в свою очередь, придает динамичность эксперименту, делает его похожим на непринужденную беседу и позволяет лучше раскрыть языковую индивидуальность респондента по сравнению с традиционным лингвистическим интервьюированием, что особенно актуально в рамках мультимодального подхода к изучению коммуникации [Кибрик, 2010].

Нарративное интервью является общепризнанным методом получения нарративов. Заданная интервьюером логика и элементы контроля не позволяют рассказчику отклоняться в сторону.

В.А. Ядов определяет нарративное интервью как «направляемый интервьюером свободный рассказ, повествование о жизни, текст которого подлежит качественному анализу» [Ядов, 1998: 231]. Отсутствие активного вмешательства со стороны интервьюера позволяет респонденту вспомнить в первую очередь те моменты, которые для него наиболее значимы.

Нарратив представляет собой репрезентацию личного опыта, а не просто набор фактов или информации. «Субъектность и воображение определяют, что включать, а что исключать из процесса наррации, в какой последовательности говорить о событиях, что они должны означать» [Ярская-Смирнова, 1997: 53]. Респондент сам определяет контекстуальные рамки, выразительные языковые средства повествования.

С помощью нарративного анализа изучают не просто содержание жизненного опыта, а формы рассуждения о нем – лингвистические и культурные средства построения истории и убеждения слушателя в ее подлинности [Там же].

П. Томпсон отмечает важность форм вопросов, обстановки интервью, стиль отношений между интервьюером и респондентом, их характеристики, фактора конфиденциальности в процессе интервьюирования [Томпсон, 2003]. Разработана специальная стратегия проведения нормативного интервью, задачей которого является «превращение» респондента в рассказчика [Журавлев, 1993].

Первый этап – начало интервью и основной рассказ. Интервьюер кратко формулирует тему и общий вопрос, цель которого – стимулировать респондента к повествованию. После этого роль исследователя становится пассивной и сводится лишь к стимулированию продолжения повествования: кивки головой, обычные для заинтересованного слушателя реплики. На данном этапе интервьюеру следует «внимательно следить за ходом повествования и запоминать: последовательность событий, имена вводимых персонажей, временные, фактические и логические несоответствия, пропуски

и обрывы в повествовании» [Там же: 40], чтобы использовать эти моменты в дальнейшем.

Второй этап – фаза «нарративных вопросов». Респонденту задаются вопросы, направленные на уточнение деталей, восстановление оборванных нитей рассказа, прояснение смысла высказываний [Троцук, 2006].

Третий этап – заключительная часть. Интервьюер просит дать оценку и объяснения по поводу событий, людей в жизни человек.

После проведения нарративного интервью исследователь приступает к обработке и интерпретации полученного материала. Поскольку все интервью обязательно записываются на аудио- и видео-носители, исследователь должен транскрибировать и отредактировать материал, прежде чем начать проводить нарративный анализ [Журавлев, 1993; Троцук, 2006].

Нарративный анализ традиционно основан на принципах структурного рассмотрения текста, выдвинутых в начале XX века представителями структуралистского направления в лингвистике Р. Барт, К. Леви-Строс, Ц. Годоров.

Нарративный анализ – это совокупность методов изучения текста, повествовательных конструктов, в которых «язык представляется как посредник, недвусмысленно передающий неизменные и единственные значения» [Ярская-Смирнова, 1997: 40]. Проводя нарративный анализ, предоставляется возможность «прояснить, насколько случайны применяемые термины и выражения для конкретной культурной и исторической ситуации» [Там же, 53]. Предметом изучения в нарративном анализе является рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий [Троцук, 2006].

Нарративный анализ предполагает, что исследователь становится частью жизненной ситуации, описываемой респондентом. И на основе собственных навыков эмпатии исследователь с помощью нарративного анализа способен выявить языковые средства, выражающие чувствительность

рассказчика к историческим деталям, и осознать степень их влияния на настоящее и будущее.

Данный метод изучения нарративных единиц, посвященных культурной травме в следствие конкисы, способствует не только выявлению наличия описательных фрагментов процесса травматизации, но и выделению языковых единиц, выражающих отношение к происходящему. Однако репрезентацию культурной травмы в нарративах также может быть исследована с точки зрения экстралингвистических факторов в контексте мультимодального дискурса для выделения специфических смыслов.

1.6. Специфика мультимодального дискурса и мультимодального анализа

Дискурс травмы и репрезентация культурной травмы могут проявляться не только на вербальном, но и на невербальном уровне, что способствует получению наиболее полного представления о картине мира представителей определенной лингвокультуры. Использование нескольких каналов коммуникации для передачи травмирующего опыта позволяет убедиться в информативности полученных нарративов социальных страданий.

В современной лингвистике понятие дискурса может быть рассмотрено с разных сторон в зависимости от подхода и направления исследования ученого. Однако чаще всего под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [Арутюнова, 1990: 136–137]. Дискурс является важным компонентом устной и письменной речи и основной формой использования языка.

Так, Т.А. ван Дейк рассматривает дискурс как коммуникативно детерминированное понятие и определяет его как «коммуникативное событие между говорящим и слушающим в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и прочем контексте. Это

коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие» [ван Дейк, 1989: 23].

Однако дискурс может быть также социально детерминирован и являться совокупностью «социально структурированных знаний и аспектов реальности» [Kress, van Leeuwen, 2001: 4], то есть предполагается наличие информации о действующих лицах, месте, времени и причин социального события, которые стали основой для создания дискурса. Другими словами, разные виды дискурсов создаются в рамках конкретных социальных контекстов, которые соответствуют интересам социальных субъектов.

Дискурс может быть реализован разными способами, но лишь в рамках специально разработанных коммуникативных модусов, «материальных семиотических ресурсов, которые позволяют реализовать дискурс и социальное действие по средствам доступных вариантов в соответствии с интересами конкретной коммуникативной ситуации» [Там же, 21–22]. Нарратив социальных страданий является одним из модусов дискурса травмы, так как представляет собой особый вид взаимодействия каналов коммуникации и может быть реализован в различных средствах массовой информации.

Дискурс травмы является социально-коммуникативным дискурсом, так как составляет набор интерпретаций, оценок, целей, аргументов, определяющих данный социальный и культурный аспект реальности, а также репрезентируется с помощью каналов (модусов) коммуникации и вербализуется в различных устных и письменных формах коммуникации.

Однако коммуникация осуществляется при помощи разнообразных способов и каналов передачи сообщения. Люди общаются не только с помощью вербального языка, но и с помощью интонации, взгляда, жестов, телодвижений и мимики. «Взаимодополняющее использование нескольких модальностей в общении между людьми обеспечивает высокую точность, и снижает риск возникновения проблем с коммуникацией» [Gibbon, Mertins, Moore, 2000: 102].

Термин модальности в основном используется в информатике, психологии и нейрофизиологии и определяется как «тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик, 2010: 135]. В последнее время в рамках западной и отечественной лингвистики проводится множество исследований, направленных на изучения совместного влияния звукового и визуального каналов на процесс и результат коммуникации.

Гюнтер Кресс и Тео ван Левен определяют мультимодальность как «использование нескольких семиотических модусов в дизайне семиотического продукта или события, а также особый способ сочетания этих модусов – они могут, например, усиливать друг друга и выполнять взаимодополняющие роли» [Kress, van Leeuwen, 2001: 20].

Мультимодальность является сотрудничеством между несколькими модальностями для улучшения взаимодействия и коммуникации, а также предполагают изучение множества информационных каналов коммуникации, вербальных и невербальных [O'Halloran, 2008]. Таким образом, мультимодальное взаимодействие предполагает, что для коммуникации человек использует более одного способа общения, к ним относятся письмо, речь, жесты, положение тела, мимика, интонация, зрительный контакт и т. д., которые воспринимаются по средствам использования визуального и звукового каналов.

Отечественными и зарубежными учеными (Крейдлин Г.Е., Кибрик А.А., Гришина Е.А., Kress G. Knight D.) были выделены подходы и модель мультиканального (мультимодального) дискурса, которая включает в себя несколько видов модальности и каналы коммуникации. Так, в звуковом канале А.А. Кибрик выделяет сегментный вербальный и несегментный просодический компоненты, а в визуальном канале – группу кинетических (зрительных) средств, в том числе жестикуляцию, направление взгляда, мимику и другие аспекты [Кибрик, 2010: 135, 148; Кибрик, 2018a].

Так, мультимодальный дискурс может быть определен как коммуникативный процесс и одновременное взаимодействие различных семиотических модусов, включающее вербальный компонент, просодию и визуальные средства взаимодействия и передающие информацию с учетом коммуникативных целей.

Таким образом, дискурс травмы может считаться мультимодальным дискурсом, так как в нашем случае в форме нарративного видеоинтервью представлен в рамках сразу нескольких синхронных коммуникативных модусов (текстуальные, звуковые, лингвистические, пространственные и визуальные компоненты), которые выполняют поставленную коммуникативную задачу.

Для изучения всех информационных каналов коммуникации может быть использован мультимодальный дискурсивный анализ, с помощью которого становится возможным проведение исследований по использованию множества семиотических ресурсов: звуковых и визуальных образов [O'Halloran, 2004, 2008]. «Мультимодальный анализ изучает взаимодействие между разговорным языком, кинетическими особенностями (включая взгляд, позу тела и жесты) и кинематографическими эффектами (включая угол обзора камеры и размер кадра)» [O'Halloran, 2011: 14]. Другими словами, люди в процессе коммуникации используют жесты, мимику, зрительный контакт и речевой ритм для выделения лексических единиц и грамматических конструкций, повышая контекстуальный статус отдельных слов и общего смысла.

В рамках мультиканальной коммуникации, благодаря мультимодальному дискурсивному анализу, могут быть выделены элементарные дискурсивные единицы, мануальные и цефалические жесты, особенности взгляда [Кибрик, Федорова, 2018б]. Взаимодействие множества каналов коммуникации и различных семиотических модусов приводит к семантическому расширению смыслового потенциала в мультимодальных текстах.

Мультимодальный дискурс травмы подразумевает многоуровневую мультиканальную передачу компонентов репрезентации культурной травмы в рамках нарративных интервью. Мультимодальный дискурсивный анализ является эффективным подходом к изучению письменных, печатных и электронных текстов, устной речи, визуальных образов, жестов, мимики, интонации и других физиологических выражений, используемых в контексте исследований, в центре внимания которых находится культурная травма. Мультиканальный способ передачи информации обуславливает тесное взаимодействие смыслов, транслируемых различными семиотическими системами. В процессе анализа испанской конкисты как культурной травмы в нарративах латиноамериканцев мультимодальный анализ позволит выделить вербальные и невербальные средства актуализации четырех компонентов языковой репрезентации процесса культурной травматизации.

1.7. Испанская колонизация Латинской Америки: историческая справка

Открытие Нового Света является важнейшим историческим событием XVI в. для всего мира. Данный период характеризовался подъемом во всех сферах жизни испанского общества: экономической, политической и культурной. Более того, католическая церковь в то время стремилась расширить и усилить свое влияние на других континентах. 12 октября 1492 г. флотилия под командованием Христофора Колумба достигла острова, который позднее получил название «Сан-Сальвадор», тем самым положив начало отношениям между Америкой и остальным миром [Альперович, Слезкин, 1981].

Развитие коренного населения Америки было прервано европейскими завоевателями-конкистадорами. «Испанское завоевание оборвало всякое дальнейшее самостоятельное развитие американских индейцев» [Энгельс, 1982: 27]. Индейцы отличались от европейцев своими языками, верованиями, обычаями, традициями, а также имели другие физические

данные: цвет кожи, разрез глаз, рост и телосложение. Целью конкистадоров стало покорение народов и завоевание земель для обогащения Испанской короны. Представители коренного населения считались язычниками, поэтому для европейских государств, в которых господствовала католическая церковь, индейцы не имели юридических прав, что, в свою очередь, означало, что для «легитимации господства испанской короны было достаточно самого факта открытия Америки и ее захвата» [Эррера, Малинко, 2018: 95]. Духовенство насильно навязывало христианскую религию, колонизаторы грабили, истребляли и порабощали коренное население. «Они безжалостно разрушали древние цивилизации, созданные коренным населением Америки, варварски уничтожали формы экономической жизни, общественного устройства, самобытную культуру, достигшие у некоторых народов Нового Света высокого уровня развития» [Альперович, Слезкин, 1981: 22].

Однако даже в XVI в. политика конкисты подвергалась критике, так как была основана не на идее общественного прогресса за счет установления новых экономических, культурных и политических отношений, а на желании материального обогащения своего класса и страны. Более того, отец Антонио де Монтесино, испанский доминиканский монах, считал, что необходимо гуманно относиться ко всем индейцам, так как все люди равны независимо от их религии и физических особенностей. Испанский богослов и правовед Франсиско де Витория, который был одним из основателей международного права, настаивал на праве всех народов на суверенитет и свободу [Там же].

Испанская конкиста была приостановлена Карлом I 16 апреля 1550 г., тогда была проведена дискуссия «Вальядолидская хунта». Юристы и теологи обсуждали гуманность и законность методов конкисты. «Европейское доминирование сохранялось в течение длительного периода, и 300 лет колонизации привели к таргетированию европейских моделей власти на латиноамериканскую почву» [Эррера, Малинко, 2018: 97].

Таким образом, испанское завоевание стало одним из наиболее драматических травмирующих событий для жителей Нового света, оказало

влияние на все сферы жизни общества, привело к перестройке всей социальной системы и оказало значительное влияние на формирование культурной идентичности и самоидентификацию народов Латинской Америки.

Испанская конкиста и в 21 веке вызывает у представителей латиноамериканской лингвокультуры переживания и крайне негативные ассоциации, которые передаются из поколения в поколение и находят свое отражением в языке. Актуальность и важность обсуждения данного травмирующего события транслируется на самом высоком уровне. Так, в 2019 году президент Мексики Андрес Мануэль Лопес Обрадор направил официальное письмо королю Испании Филиппу VI с требованием принести официальные извинения за действия испанского правительства во времена испанской колонизации, что свидетельствует о глубокой культурной травме, нанесенной всему латиноамериканскому народу в эпоху конкисты.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Процесс культурной травматизации – это осознание народом наличие угрозы для существующего порядка и безопасности в результате особого исторически значимого социального изменения. Теория культурной травмы может быть применена к всем случаям, когда коллектив был подвержен негативному воздействию извне. Любое общество, особенно в котором наблюдается дезорганизация и несогласованность, может пережить травмирующее событие.

Влияние культурной травмы прослеживается на всех уровнях социальной и культурной сфер жизни общества. Травма как культурный процесс связана с формированием коллективной идентичности и конструированием коллективной памяти, она приводит к потере идентичности и смысла, к изменениям в социальной структуре сплоченной группы людей. Осознание наличия культурной травмы у коллектива позволяет ему определить новые формы моральной ответственности, перенаправить ход политических действий и совместными усилиями извлечь уроки.

Культурная травма влияет на несколько поколений, хранится в коллективной памяти или бездействует в коллективном подсознании, проявляясь только при возникновении благоприятных для этого факторов. Так, люди начинают говорить о том, что для них важно.

Нарратив – это речевой жанр, который характеризуется особой временной организацией сюжетных элементов; повествование, в центре которого находится событие, изменившее привычный ход вещей. Нарратив как коммуникативное пространство трансляции травмирующего опыта позволяет человеку структурировать понимание самого себя и жизненный опыт, конструируя культурную идентичность. Языковая репрезентация травмы – это рассказ новой истории, сложный и многозначный символический процесс. Культурная травма вербализуется в нарративе социальных страданий (в терминологии Дж. Александера), актуализируя следующие аспекты:

1) природа боли (что именно произошло); 2) природа жертвы (какая группа людей испытала травмирующую боль); 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией (в какой степени широкая аудитория идентифицирует себя с группой, непосредственно получившей культурную травму); 4) возложение ответственности (кто антагонист, травмировавший жертву).

Язык в нарративах социальных страданий выступает в качестве посредника между жертвами и виновными социального насилия. В рамках настоящего исследования нарративы социальных страданий собираются посредством нарративного интервью на испанском языке о конкисте с представителями латиноамериканской лингвокультуры, во время которого респондентов мотивируют к воспроизведению отдельных эпизодов и описанию травмирующего события. Так, анализ нарративов социальных страданий позволит не только изучить содержание жизненного опыта, но и рассмотреть формы рассуждения о нем – выявить языковые средства репрезентации культурной травмы.

Нарративы и нарративные интервью о культурных травмах, в силу тесного взаимодействия различных семиотических систем, можно отнести к мультимодальному дискурсу травмы (коммуникативному процессу взаимодействия различных каналов коммуникации, включающему вербальный и невербальный компоненты) и стать предметом мультимодального анализа, благодаря которому рассматривается несколько аспектов репрезентации травмирующего социокультурного события, что открывает перспективы для проведения комплексного лингвистического анализа и исследования информативности и актуальности теории культурной травматизации в рамках мультимодальных лингвистических исследований.

Для представителей латиноамериканской лингвокультуры испанская конкиста стала таким травмирующим событием, которое лишило коренного населения права на самостоятельное развитие. Оно вызвало изменения во всех сферах жизни общества, привело к перестройке всех социальных структур и оказало значительное влияние на формирование коллективной идентичности

и самоидентификацию коренных народов Латинской Америки. Актуальность и важность обсуждения данного травмирующего события транслируется на самом высоком уровне.

ГЛАВА 2. СПЕЦИФИКА ВЕРБАЛЬНОЙ И НЕВЕРБАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ: ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ И МУЛЬТИКАНАЛЬНОГО АННОТИРОВАНИЯ НАРРАТИВНОГО ИНТЕРВЬЮ О КОНКИСТЕ НА ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ

2.1. Дизайн нарративного интервью и лингвистическая разметка

Первый этап данного исследования заключался в проведении нарративного интервью в соответствии с описанной Дж. Александером схемой языковой репрезентации культурной травмы с представителями латиноамериканской лингвокультуры о конкисте.

Было опрошено 12 человек: 5 женщин и 7 мужчин из Эквадора, Перу, Колумбии и Мексики. Средний возраст респондентов составил 24 года. Участники эксперимента на данный момент проживают в России, в Красноярске, обучаются или обучались в Сибирском федеральном университете. Средняя продолжительность интервью составила 20 минут. Общая продолжительность анализируемого материала – 240 мин.

В Таблице 1 представлен перечень основных вопросов, которые были заданы участникам эксперимента. Вопросы разделены в соответствии с компонентами нарративов социальных страданий и были заданы в определенном порядке, чтобы мотивировать респондентов к воспроизведению отдельных эпизодов в хронологической последовательности.

Таблица 1. Вопросы для нарративного интервью

Общие вопросы	
1. ¿Cómo se llama?	1. Как Вас зовут?
2. ¿Qué edad tiene?	2. Сколько Вам лет?
3. ¿Dónde estudia?	3. Где Вы учитесь?
4. ¿Dónde nació?	4. Где Вы родились?
5. ¿Cómo es su familia?	5. Какая у Вас семья?

Природа боли	
<ol style="list-style-type: none"> 1. ¿Estudió en la escuela/ en la universidad la historia de América Latina y de España? 2. ¿Sabe qué es la colonización o la conquista española de América Latina? 3. Cuénteme como entiende lo que es conquista y lo que sucedió durante la colonización. 4. ¿Sabe quién es Hernán Cortés? 5. ¿Sabe qué impacto tuvo la colonización en el desarrollo de los países de América Latina? 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Изучали ли Вы в школе/ в университете историю Латинской Америки и Испании? 2. Знаете ли Вы, что такое испанская колонизация Латинской Америки? 3. Расскажите мне о том, как Вы понимаете, что такое конкиста и что происходило в то время. 4. Вы знаете, кто такой Эрнан Кортес? 5. Вы знаете, какое влияние оказала колонизация на развитие стран Латинской Америки?
Природа жертвы	
<ol style="list-style-type: none"> 1. ¿La conquista afectó la vida de personas/ pueblos indígenas? ¿Cómo? 2. ¿Qué consecuencias tuvo la conquista para los maya, aztecas e incas? 3. ¿Cómo viven ahora los descendientes de maya, aztecas y otros pueblos indígenas? 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Повлияла ли конкиста на жизнь людей/ коренных народов? Как? 2. Какие последствия имела конкиста для майя, ацтеков и инков? 3. Как сейчас живут потомки майя, ацтеков и других коренных народов Латинской Америки?
Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией	
<ol style="list-style-type: none"> 1. ¿Habló con sus familiares (padres, abuelos) sobre el colonización española de América? ¿Qué dijeron? 2. ¿Hay algunas historias relacionadas con la colonización en su familia o en su país? 3. ¿Siente el impacto de este evento histórico en su vida? Cuénteme cómo este acontecimiento afectó su vida. 4. ¿Se siente unido/a con su pueblo debido a este evento? 5. ¿Cree que los ciudadanos de otros países de América Latina sienten algunas consecuencias de la colonización? 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Вы говорили со своими родственниками (родителями, бабушками и дедушками) об испанской колонизации Америки? Что они Вам рассказали? 2. Рассказывают ли у Вас в стране/семье о конкисте? 3. Вы ощущаете влияние данного исторического события на вашу жизнь? Расскажите мне о том, как это событие повлияло на Вашу жизнь. 4. Чувствуете ли Вы единение с вашим народом из-за пережитого события? 5. Как думаете, жители других стран Латинской Америки ощущают последствия колонизации?
Возложение ответственности	
<ol style="list-style-type: none"> 1. ¿Sabe qué es el Día de la Hispanidad y qué piensa de esta fiesta? 2. ¿Quién es responsable por lo que pasó con los pueblos indígenas en la época de la conquista? 3. ¿Deben los españoles pedir perdón por la conquista? 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Знаете ли Вы о Дне испанской нации и каково Ваше мнение об этом празднике? 2. Кто виноват в том, что произошло с коренными народами латинской Америки в эпоху конкисты? 3. Должна ли Испания принести извинения за конкисту?

В основе проводимого нарративного анализа интервью лежал тематический критерий. Анализируемые языковые фрагменты соотносятся с определенным типом языковой репрезентации, отражающей обозначенные

Дж. Александером темы и смысловые содержания данного типа. В результате анализа нарративных интервью были выделены группы языковых средств (ЛТГ – лексико-тематические группы, топонимы, этнонимы, эвфемизмы), сигнализирующие о наличии каждого из компонентов языковой репрезентации культурной травмы в нарративе социальных страданий.

В ходе второго этапа исследования была проведена работа с помощью программного обеспечения ELAN 6.7 для создания аннотаций и ручного мультимедийного аннотирования мультимедийных данных, разработанного в Институте психолингвистики Макса Планка. Данная программа позволяет производить разметку видео- и аудиофайлов, добавлять текстовые аннотации к отрезкам [Литвенко, Николаева, Кибрик, 2017; Brugman, Russel, 2004; Wittenburg et al., 2006]. На данный момент ELAN является самым эффективным и популярным инструментом для проведения мультимодального анализа дискурса.

На рис. 1 представлен интерфейс программы ELAN 6.7 при работе с видеофайлом для создания аннотаций.

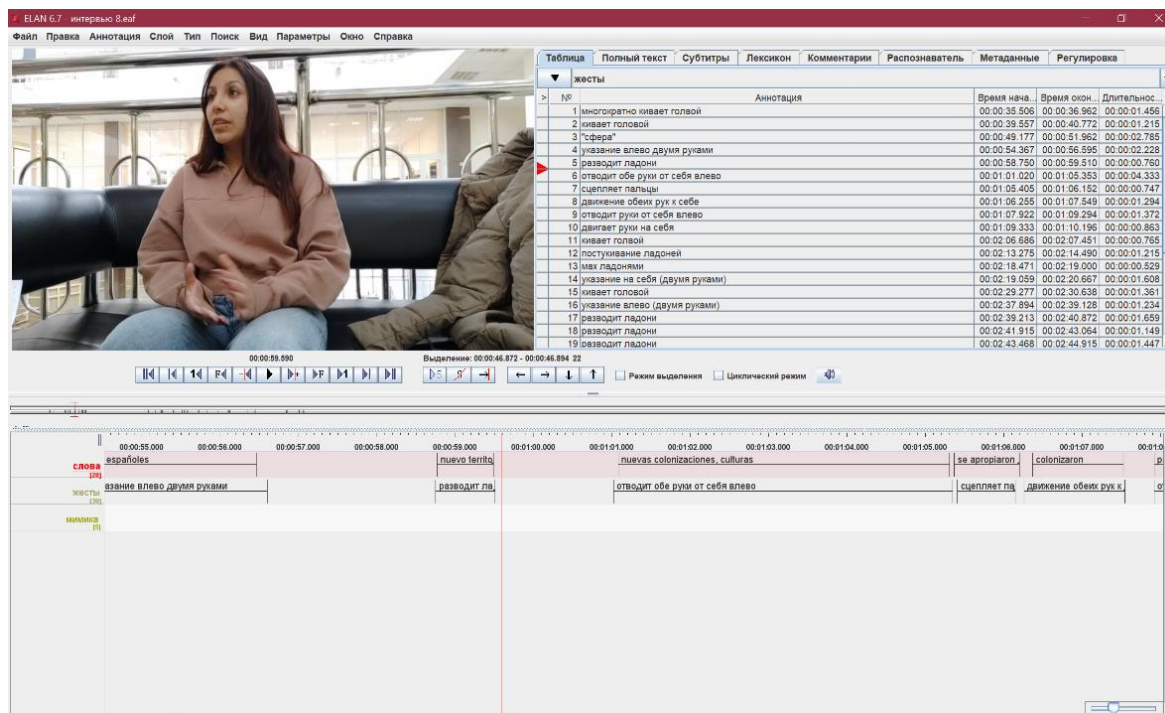

Рисунок 1. Интерфейс программы ELAN

В левом верхнем углу находится окно воспроизведения с инструментами управления и перемотки. Справа от него располагаются вкладки, в которых содержатся списки созданных аннотаций, субтитры и дополнительные данные. В нижней части интерфейса находится таймлайн с созданными аннотациями, к которым можно перейти, кликнув на них. Под таймлайном располагается поле для создания разметки, на котором отражена временная разметка видео, созданные слои и аннотации.

Аннотация создаётся долгим нажатием с выделением нужной области, для уточнения границ области можно проиграть только выделенный фрагмент и при необходимости изменить его границы. Затем с помощью двойного клика открывается область для ввода текста, где аннотации присваивается имя, либо вводится транскрипция (название) звукового фрагмента или просодического явления, либо описание жеста или мимического движения. Если в границах одного фрагмента находятся несколько явлений, требующих выделения, аннотации на разных слоях можно создавать в рамках одного временного отрезка. Аннотации одного и того же слоя могут накладываться друг на друга, если их временные границы пересекаются.

В процессе мультисканального аннотирования и анализа видеофайлов были выделены следующие слои:

1. Слой вокального аннотирования «Слова»: языковые единицы, имеющие неизменное лексическое значение независимо от контекста их употребления в рассматриваемой коммуникативной ситуации.

2. Слой невокального аннотирования «Жесты».

- 2.1. Мануальные (связанные с движением рук) жесты, например, «многократно разводит ладонями».

- 2.2. Цефалические (связанные с движением головы) жесты, например, «кивает головой».

3. Слой невокального аннотирования «Мимика»: все заметные и отличительные мимические движения, например, «морщит нос», «взгляд вниз».

Процесс создания разметки состоял из нескольких этапов. Сначала произведена разметка невокальных слоев: видео просматривалось без звука, чтобы содержание интервью не влияло на интерпретацию жестов и мимических движений. В процессе аннотирования были выделены участки с отчетливыми и активными кинесическими движениями, была также учтена последовательность и повторяемость выявленных элементов.

Для описания мануальных и цефалических жестов, а также мимических движений использованы примеры из Национального корпуса русского языка («сфера», «кавычки»), словосочетания и конструкции «глагол 3 лицо единственное число + существительное/наречие/прилагательное» («загибает пальцы», «опускает уголки губ»), «существительное + наречие» («взгляд вниз»). Был неоднократно использован знак «+» для указания сочетания одновременных мануальных и цефалических жестов. Если жест повторяется несколько раз подряд или наблюдается последовательное повторение вариаций одного и того же кинесического движения, то при описании добавляется наречие «множественно».

При аннотировании слоя «Мимика» в сравнении со слоем «Жесты» было выделено меньшее количество мимических движений, в том числе случаев одновременных мимических движений бровей, глаз, губ, лба. Так, были определены следующие элементы: «взгляд вверх», «взгляд вниз», «щурится», «закатывает глаза», «закрывает глаза», «хмурит брови», «поднимает брови», «морщит нос», «опускает уголки губы», «кривит губы», «поджимает губы», «ухмыляется», «улыбается», «морщит нос + опускает уголки губ», «опускает уголки губ + взгляд вниз», «хмурит брови + морщит нос».

На следующем этапе каждое видео было воспроизведено повторно со звуковой дорожкой, что позволило перейти к аннотированию вокального слоя «Слова». В пунктах 2.2, 2.4, 2.6, 2.8 представлен подробный анализ выделенных языковых единиц, репрезентирующих каждый из компонентов нарратива социальных страданий на вербальном уровне.

На этом же этапе была произведена редакция разметки невокального слоя с учетом темы интервью: после разметки вокальных слоёв были оставлены только те, которые находились во временном промежутке обсуждения компонентов нарративов социальных страданий, выделенных для проведения анализа.

Таким образом, в процессе работы в программе ELAN было проаннотировано, выгружено и проанализировано 1696 элементов: 630 – в слое «Жесты», мануальные и цефалические жесты в активной фазе; 213 – в слое «Мимика», который включил в себя мимические движения лица; 853 – в слое «Слова», куда вошли языковые единицы, репрезентирующие культурную травму на вербальном уровне. Так, были определены мультимодальные средства репрезентации культурной травмы в нарративе латиноамериканцев о конкисте.

2.2. Вербальная составляющая репрезентации компонента «природа боли» в нарративах социальных страданий о конкисте

Первым компонентом репрезентации культурной травмы является «природа боли». Предполагается, что ответы респондентов будут содержать описание того, что именно произошло с определенной социальной группой или целой общностью и какое событие вызвало культурный шок и травматические последствия. Данный компонент раскрывается через описание событий, происходивших во время испанской колонизации Латинской Америки. В результате проведенного анализа было выделено несколько групп языковых средств, репрезентирующих природу боли.

Участники эксперимента из Латинской Америки рассказывают, что изучали историю континента в учебных заведениях, при описании процесса испанской колонизации для номинации события используют существительные *colonización* (колонизация/завоевание) и *conquista* (конкиста/завоевание), а также глаголы *colonizar*, *conquistar* (завоевывать,

колонизировать). В академическом словаре испанского языка от RAE данные лексические единицы имеют следующие дефиниции «*es un acción de formar o establecer colonia en un país*» (это действие по формированию или созданию колонии в стране), «*es un acción de ganar, mediante operación de guerra, un territorio, población, posición*» (это действие по завоеванию территории, населения, пункта посредством военной операции), соответственно [DRAE]. Было также отмечено неоднократное упоминание травмы, которая, по словам респондентов, была нанесена коренным народам Латинской Америки в ходе испанского завоевания (примеры 1–4).

(1) *La conquista española fue cuando los españoles viajaron... se apropiaron del territorio y colonizaron.* Испанское **завоевание** произошло, когда испанцы отправились в путешествие... они присвоили территорию и **колонизировали** (Интервью № 8).

(2) *Cuando llegaron los españoles a conquistar América.* Когда испанцы пришли, чтобы **завоевать** Америку (Интервью № 7).

(3) *La colonización ya se dio, pero no hubiera querido que nos colonizaron.* **Колонизация** уже состоялась, но я бы не хотела, чтобы нас **колонизировали** (Интервью № 7).

(4) *Creo es que en los pueblos latinoamericanos se habla mucho de que hay un trauma de la conquista.* Я думаю, что среди латиноамериканских народов много говорят о том, что **завоевания** вызывало **травму** (Интервью № 11).

Респонденты не раз делают акцент на том, что колонизация была насильственным военным событием, которое произошло против воли коренных народов Латинской Америки. Они рассматривают этот процесс как аморальное событие, которые несомненно повлияло на развитие двух американских континентов.

В процессе анализа были выделены и сгруппированы по тематическому критерию вербальные средства репрезентации первого компонента нарративов социальных страданий. Лексико-тематическая группа «Насильственные действия» представлена в основном глаголами (*atacar* –

атаковать, *matar* – убивать, *acabar* – уничтожать), которые, согласно своему семантическому значению, выражают совершенные в период колонизации Латинской Америкой насильственные, противоправные и преступные акты группы «антагонистов» (испанские колонизаторы) по отношению к группе «жертвы» (коренное население). К данной ЛТГ были также отнесены существительные, которые указывают на процесс массового завоевания и убийства индейских племен. Так, например, *genocidio* (геноцид), согласно академическому словарю испанского языка от RAE, обозначает «*exterminio o eliminación sistemática de un grupo humano por motivo de raza, etnia, religión, política o nacionalidad*» (систематическое истребление или уничтожение группы людей по расовым, этническим, религиозным, политическим или национальным мотивам) [DRAE].

Следует отметить частое использование лексической единицы *matanza*, которая имеет два значения: 1) резня «*mortandad de personas ejecutada en una batalla, un asalto, etc*» (массовое убийство людей в результате битвы, нападения и т. д.); 2) забой скота «*faena de matar los cerdos*» (процесс по забою свиней) [DRAE]. Респонденты используют данную языковую единицу для наименования актов насилия со стороны конкистадоров по отношению к коренному населению. Посредством подобного метафорического сравнения происходит перенос негативных характеристик сферы источника в рамках метафорической модели «конкиста – это забой скота», в результате которого действия конкистадоров описываются как жестокий, бесчеловечный и безнравственный акт, а коренное население Латинской Америки сравнивается со скотом.

ЛТГ «Насилие над женщинами» в основном представлена словосочетаниями, которые вербализуют акты физического причинения вреда женщинам и последствия данных действий (*violar* – насиловать, *no querer* – не любить, *quitarse la vida* – лишать жизни). Такие лексические единицы, как *tener relaciones* (вступать в отношения), *un objeto de de prostitución* (объект проституции), *objetos de uso sexual* (объект сексуального использования) также

были включены в эту группы, поскольку подтверждают, что конкистадоры использовали индейских девушек в качестве объектов проституции и сексуального насилия.

В ЛТГ «Разрушение» были выделены лексические единицы, отражающие процесс уничтожения и присвоения природных ресурсов группой «преступников» ради собственной выгоды (*sacar provecho* – извлечь выгоду, *apropiar* – присвоить, *robar* – украсть), названия драгоценных металлов и ресурсов (*oro* – золото, *plata* – серебро, *primas* – сырье), а также потери, понесенные индейцами в результате колонизации (*perdida de territorio* – потеря территории, *perdida de comida* – потеря еды).

К ЛТГ «Дискриминация местного населения» относятся глаголы и устойчивые глагольные словосочетания (*forzar* – принуждать, *imponer* – навязывать, *esclavizar* – поработить, *estar bajo el poder* – быть во власти), которые вербализуют ограничение прав и свобод индейских племен, а также словосочетания, имеющих коннотацию пренебрежительного отношения к индейцам (*un ciudadano de segunda* – второсортный гражданин).

В таблице 2 представлены выделенные группы языковых средств, репрезентирующих наличие данного компонента культурной травмы в речи латиноамериканцев. Примеры 5–30.

Таблица 2. Вербальные средства репрезентации природы боли

Группа языковых средств	Примеры	Лексические единицы, входящие в группу языковых средств
Лексико-тематическая группа «Насильственные действия» (преступления, трагические события)	<p>(5) <i>Ellos fueron atacada horriblemente. Fue realmente una matanza para los indígenas.</i> Они подверглись ужасному нападению. Это была кровавая расправа над коренными жителями (Интервью № 1).</p> <p>(6) <i>Hubieron muchas muertes entre los indígenas, muchas enfermedades que llevaron los conquistadores.</i> Было много смертей среди коренных жителей, много болезней, которые принесли завоеватели (Интервью № 2).</p>	<p><i>Atacar</i> (атаковать), <i>matar</i> (убивать), <i>asesinar</i> (убивать), <i>inculcar</i> (внушать), <i>amenazar</i> (угрожать), <i>castigar</i> (наказывать), <i>secuestrar</i> (похищать), <i>capturar</i> (схватить), <i>acabar</i> (уничтожать), <i>apoderar</i> (захватить), <i>sofocar</i> (задушить).</p>

Группа языковых средств	Примеры	Лексические единицы, входящие в группу языковых средств
Лексико-тематическая группа «Насильственные действия» (преступления, трагические события)	<p>(7) <i>Yo creo que ha sido el genocidio cultural más grande que existió en la historia de la humanidad. Ellos trataron sofocar y acabar con una raza entera.</i> Я считаю, что это был самый крупный культурный геноцид в истории человечества. Они пытались задушить и уничтожить целую расу (Интервью № 9).</p> <p>(8) <i>De hecho cuando pensamos en la conquista pensamos en la caída de Tenochtitlán.</i> На самом деле, когда мы думаем о завоевании, мы думаем о падении Теночтитлана. (Интервью № 10).</p> <p>(9) <i>Primero los españoles mataban a sus familiares, arruinaban sus tierras, les ponían miedosa.</i> Сначала испанцы убивали их родственников, разорили их земли, наводили на них страх (Интервью № 8).</p> <p>(10) <i>Principalmente afectó claro a los a los pueblos nativos sobre todo por las guerras, las enfermedades que llegaron por consecuencia de la llegada de los españoles.</i> В первую очередь, очевидно, пострадали коренные народы, прежде всего из-за войн, болезней, которые возникли в результате прихода испанцев. (Интервью № 2).</p>	<p><i>Invadir</i> (вторгаться), <i>absorber</i> (поглощать), <i>poner miedosa</i> (наводить страх), <i>muertes</i> (смерти), <i>enfermedades</i> (болезни), <i>viruela</i> (оспа), <i>genocidio</i> (геноцид), <i>matanza</i> (кровавая расправа), <i>masacre</i> (резня), <i>guerra</i> (война), <i>la caída</i> (падение), <i>trauma</i> (травма), <i>violencia</i> (насилие).</p>
Лексико-тематическая группа «Разрушение природных ресурсов, грабежи, драгоценные материалы)	<p>(11) <i>La conquista es que los países europeos asimilaron nuevas materias, primas, nuevos recursos.</i> Завоевание состояло в том, что европейские страны осваивали новые материалы, сырье, новые ресурсы (Интервью № 2).</p> <p>(12) <i>Posteriormente sabiendo que había oro y cosas que no habían en sus tierras.</i> Впоследствии узнали, что там есть золото и вещи, которых не было на их землях (Интервью № 1).</p> <p>(13) <i>Es un conjunto de personas que quería sacar provecho de la riqueza de esa país.</i> Это группа людей, которая хотела нажиться на богатстве этой страны (Интервью № 7).</p> <p>(14) <i>Un grupo de personas fue a explorar un territorio y quería sacar provecho de eso, como buscando oro, plata de ese lugar.</i> Группа людей отправилась исследовать территорию и хотела извлечь из этого выгоду, например, с помощью добычи золота, серебра в этом месте (Интервью № 7).</p> <p>(15) <i>Ellos engañaron, robaron y abusaron de millones de indígenas caían presentes en ese momento.</i> В то время они обманули, ограбили и оскорбили миллионы коренных жителей (Интервью № 9).</p>	<p><i>Asimilar</i> (осваивать), <i>sacar provecho</i> (наживаться, извлекать выгоду), <i>apropiar</i> (присвоить), <i>arruinar</i> (разорять), <i>engañar</i> (обманывать), <i>robar</i> (грабить), <i>desaparecer</i> (исчезать), <i>perder ámbitos</i> (потерять границы), <i>perdida de territorio</i> (потеря территории), <i>perdida de comida</i> (потеря еды), <i>oro</i> (золото), <i>plata</i> (серебро), <i>materias</i> (материалы), <i>recursos</i> (ресурсы), <i>primas</i> (сырье), <i>riqueza</i> (богатство), <i>sus intereses propios</i> (свои собственные интересы).</p>

Группа языковых средств	Примеры	Лексические единицы, входящие в группу языковых средств
Лексико-тематическая группа отрицательно-оценочных прилагательных, наречий и существительных	<p>(16) <i>La verdad es que fue muy feo y muy doloroso para ese tiempo.</i> Правда в том, что это было очень отвратительно и очень болезненно для того времени (Интервью № 1).</p> <p>(17) <i>Es verdad que en la conquista pasaron cosas terribles demasiado.</i> Это правда, что при завоевании произошло слишком много ужасных вещей (Интервью № 2).</p> <p>(18) <i>Me parece que es producto de la misión de la maldad humana.</i> Мне кажется, что это результат миссии человеческой злостности. (Интервью № 11)</p> <p>(19) <i>La conquista fue bastante destrozadora para los nativos.</i> Конкиста была довольно разрушительным событием для коренных жителей (Интервью № 4).</p> <p>(20) <i>Por la colonización desaparecieron muchísimo, y es triste.</i> В результате колонизации они все исчезли, и это печально (Интервью № 7).</p>	<p><i>Feo</i> (отвратительный), <i>trágico</i> (трагический), <i>terrible</i> (ужасный), <i>negativo</i> (отрицательный), <i>drástico</i> (радикальный), <i>brutal</i> (жестокий), <i>doloroso</i> (болезненный), <i>destruadora</i> (разрушительная), <i>fuerte</i> (резко), <i>triste</i> (печально), <i>horriblemente</i> (ужасно), <i>mal</i> (горе), <i>tristeza</i> (печаль), <i>choque</i> (шок), <i>injusta</i> (несправедливость), <i>maldad</i> (злостность).</p>
Лексико-тематическая группа «Насилие над женщинами» (изнасилование, смешение крови)	<p>(22) <i>No había familias, las mujeres eran violadas por los españoles e ellas tenían hijos de españoles que no querían y sufrían por abandonaban a los hijos.</i> Среди коренных жителей больше не было семей, женщины были изнасилованы испанцами, у них рождались дети от испанцев, которых они не хотели, они страдали от того, что бросали своих детей (Интервью № 8).</p> <p>(22) <i>Me contaron que hubo españoles que asesinaron a los esposos, se llevaron a las esposas, tuvieron relaciones y hicieron una mezcla entre españoles e indígenas.</i> Мне рассказывали, что были испанцы, которые убивали мужей, забирали жен, вступали в отношения с ними и смешивали кровь испанцев и индейцев (Интервью № 5).</p> <p>(23) <i>Los españoles se violaron a las mujeres y las chicas indígenas. A las mujeres las utilizaron como un objeto de de prostitución.</i> Испанцы насиловали местных женщин и девушек. Женщин использовали в качестве объекта проституции (Интервью № 5).</p> <p>(24) <i>Los españoles no salían respetarlas y debido eso abusaban de las mujeres.</i> Испанцы не проявляли к ним уважения и из-за этого жестоко обращались с женщинами. (Интервью № 3).</p>	<p><i>Violar</i> (насиловать), <i>se llevar</i> (забирать), <i>sufrir</i> (страдать), <i>no querer</i> (не хотеть), <i>no respetar</i> (не уважать), <i>abusar</i> (жестоко обращаться), <i>tener relaciones</i> (вступать в отношения), <i>abandonar</i> (бросать), <i>un objeto de de prostitución</i> (объект проституции), <i>objetos de uso sexual</i> (объекты сексуального использования), <i>una mezcla</i> (смешение кровей), <i>quitarse la vida</i> (покончить жизнь самоубийством).</p>

Группа языковых средств	Примеры	Лексические единицы, входящие в группу языковых средств
Лексико-тематическая группа «Дискриминация местного населения»	<p>(25) <i>La conquista es el hacerse con un territorio y dominar a los indígenas por medio de la guerra y de las armas. Ellos pues estuvieron bajo el poder de los españoles.</i> Конкиста – это захват территории и господство над коренными жителями по средствам войны и оружия. Они находились под властью испанцев (Интервью № 11).</p> <p>(26) <i>Los españoles cambiaron muchos ámbitos en América.</i> Испанцы изменили многие области в Америке (Интервью № 5).</p> <p>(27) <i>Los españoles evangelizarles, porque las creencias nativas de Latinoamérica no tenía nada que ver con el catolicismo.</i> Испанцы обращали их в христианство, потому что верования коренных жителей Латинской Америки не имели ничего общего с католичеством (Интервью № 1).</p> <p>(28) <i>La conquista fue como poner sus reglas, sus costumbres, su religión. Se impusieron cultura española en nuestra cultura.</i> Конкиста заключалась в установлении своих правил, своих обычаев, своей религии. Они навязали нам испанскую культуру (Интервью № 7).</p> <p>(29) <i>Secuestraron miles y miles de indígenas, los forzaron trabajar como esclavos, objetos de uso para que hicieran las tareas domésticas del hogar.</i> Они похищали тысячи и тысячи коренных жителей, делали их рабами, использовали их в работе по дому (Интервью № 9).</p> <p>(30) <i>Los mayas y las aztecas perdieron muchas, muchas, muchas cosas, ámbitos, perdieron la lengua, las creencias.</i> Майя и ацтеки потеряли много, много, много вещей, границы, они лишились языка, убеждения. (Интервью № 5).</p>	<p><i>Dominar</i> (доминировать), <i>perseguir</i> (преследовать), <i>evangelizar</i> (обратить в христианство), <i>esclavizar</i> (поработить), <i>cambiar</i> (изменять), <i>poner</i> (установить), <i>imponer</i> (навязывать), <i>implantar</i> (навязывать), <i>forzar</i> (принуждать), <i>estar bajo el poder</i> (быть под властью), <i>objetos de uso</i> (объекты использования), <i>un ciudadano de segunda</i> (второсортный гражданин), <i>esclavitud</i> (рабство), <i>esclavos</i> (рабы), <i>disminución de la raza</i> (сокращение численности), <i>estar en peligro de extinción</i> (находиться под угрозой исчезновения), <i>erradicación</i> (искоренение), <i>pérdida de las costumbres</i> (утрата традиций), <i>pérdida de las religiones</i> (утрата религий), <i>perder la lengua</i> (лишиться язык), <i>perder las creencias</i> (лишиться убеждения).</p>

В нарративах о конкисте в деталях был описан весь процесс нападения со стороны испанцев на коренных жителей Южноамериканского континента. Было использовано значительное количество лексических единиц с отрицательной коннотацией, передающих весь ужас происходившего. Не раз был упомянут процесс порабощения коренного населения, а также дискриминация их культуры и расы через насильственное установление

европейцами своей религии, навязывание племенам испанского образа жизни, традиций, валюты, продуктов питания, кулинарии, оружия, языка. Более того, значения отрицательно-оценочных существительных, прилагательных и наречий (например, *terrible* – ужасный, *doloroso* – болезненный, *mal* – горе) усиливается с помощью многократного добавления наречий *mu* (очень много), *demaciado* (слишком), *bastante* (достаточно).

Половина респондентов выделяет происходившее насилие над местными женщинами, которое приводило к разрушению семей и появлению большого числа детей-сирот. Испанцы, со слов респондентов, забирали девушек и женщин из племен, насиловали их, после чего появлялись дети смешанных кровей, которых не принимала ни одна из сторон. Так, появились метисы и современные жители Латинской Америки. Данные события оказали мощное влияние на процесс формирования коллективной идентичности латиноамериканцев, их самоидентификацию.

Однако, стоит отметить, что респонденты считают колонизацию Латинской Америки испанцами лишь на первых стадиях кровожадным событием. На это указывают такие предложные языковые конструкции и наречия, как *en su inicio* (изначально), *en un principio* (вначале), *primeramente* (сначала), *primero* (сначала). Другими словами, несмотря на всю жесткость процесса порабощения местного населения и насильственного навязывания европейской религии и культуры, колонизация латинской Америки, по мнению участников эксперимента, оказала некоторое положительное влияние на развитие латиноамериканского общества, поскольку европейцы внесли огромный вклад в развитие системы образования, обучили грамотности местное население, построили города и инфраструктуру, а также образовали торговые союзы и укрепили связи с другими странами, что положительно повлияло на становление современного латиноамериканского общества, обеспечило устойчивое экономическое и социальное развитие региона.

Таким образом, было установлено, что природа боли находит свою вербальную репрезентацию в нарративах латиноамериканцев о конкисте в

виде определенных лексико-тематических групп, актуализирующих как резко негативные сценарии (убийства местного населения, насилие над женщинами, хищение природных ресурсов и разного рода принуждение), так и некоторые положительные стереотипные ситуации, связанные с развитием системы образования, инфраструктуры и внешнеэкономических связей. Сами интервьюируемые имеют четкое представление о том, что происходило во время колонизации Латинской Америки, анализ нарративов информантов позволяет сделать вывод о том, что природа боли ярче всего репрезентирована в повествовании о начальных этапах испанского вторжения, события которых оставили глубокий след в коллективной памяти народа.

2.3. Невербальная репрезентация компонента «природа боли» в нарративах социальных страданий о конкисте

Первый компонент нарративов социальных страданий о конкисте – природа боли, раскрывается через рассказы латиноамериканцев о событиях, произошедших с момента открытия Колумбом Америки до окончания войны за независимость испанских колоний в Латинской Америке.

В процессе разметки были выделены элементы, совпадающие с отрезками речи, в которых устанавливался сам факт того, что колонизация Латинской Америки произошла, а также описание противоправных действий по отношению к «жертве» (коренное население) со стороны группы «виновников» (конкистадоров). В результате анализа элементов были обнаружены единицы мультимодальной репрезентации данного компонента культурной травмы.

Была выделена группа мануальных и цефалических жестов «Перечисление», в которую вошли такие элементы, как: разгибание и сгибание пальцев (рис. 2), ритмичные постукивания и кивки головой, с помощью которых респонденты делали акцент на концептуально-важной

информации, рассказывая о последовательности исторических событий в период колонизации.

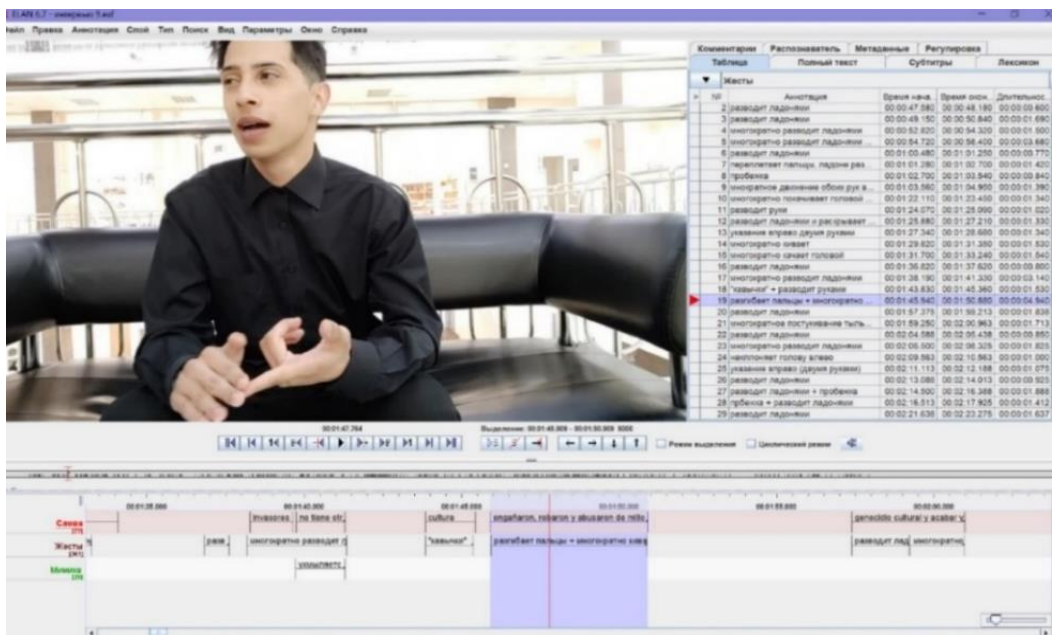

Рисунок 2. Жест «разгибает пальцы»

Было также выявлено несколько случаев, когда респонденты сопровождали свой рассказ о конкистадорах указательными жестами влево одной или двумя руками, как бы разграничивая группы «своих» и «чужих» (рис. 3).

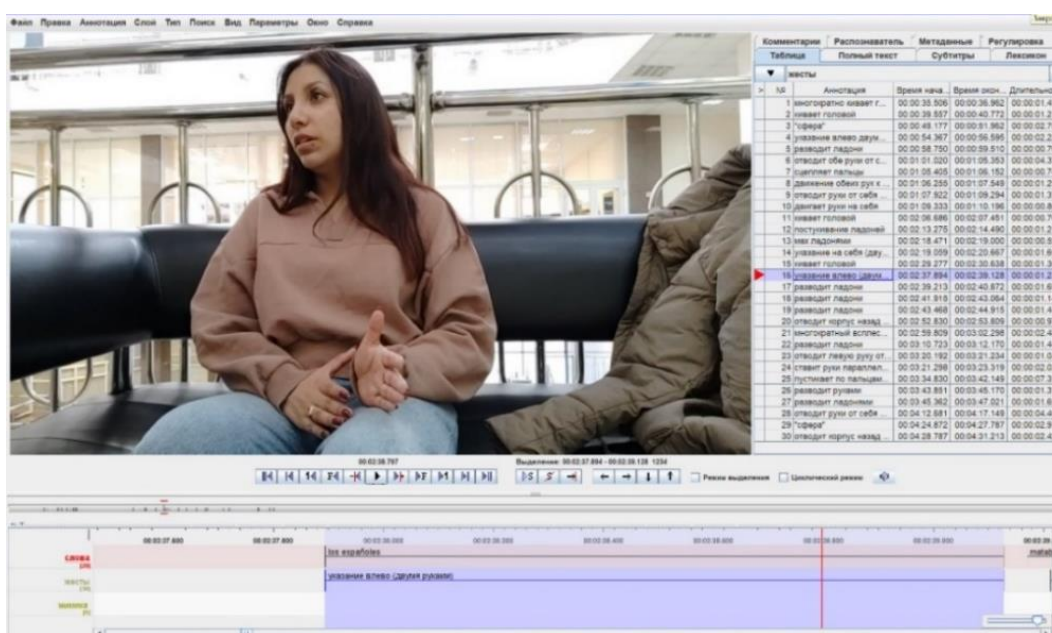

Рисунок 3. Жест «указывает влево двумя руками»

Один из уникальных мануальных жестов, характерных для описания событий, произошедших в период колонизации – жест «пробежка» (рис. 4). Данный элемент часто был использован в сочетании с глаголом *cambiar* (менять) и его словоформами (*cambio, cambió, cambiaron, cambiando, han cambiado*), а также с глаголами с негативной семантикой, входящими в ранее выделенным ЛТГ «Насильственные действия» и «Разрушение».

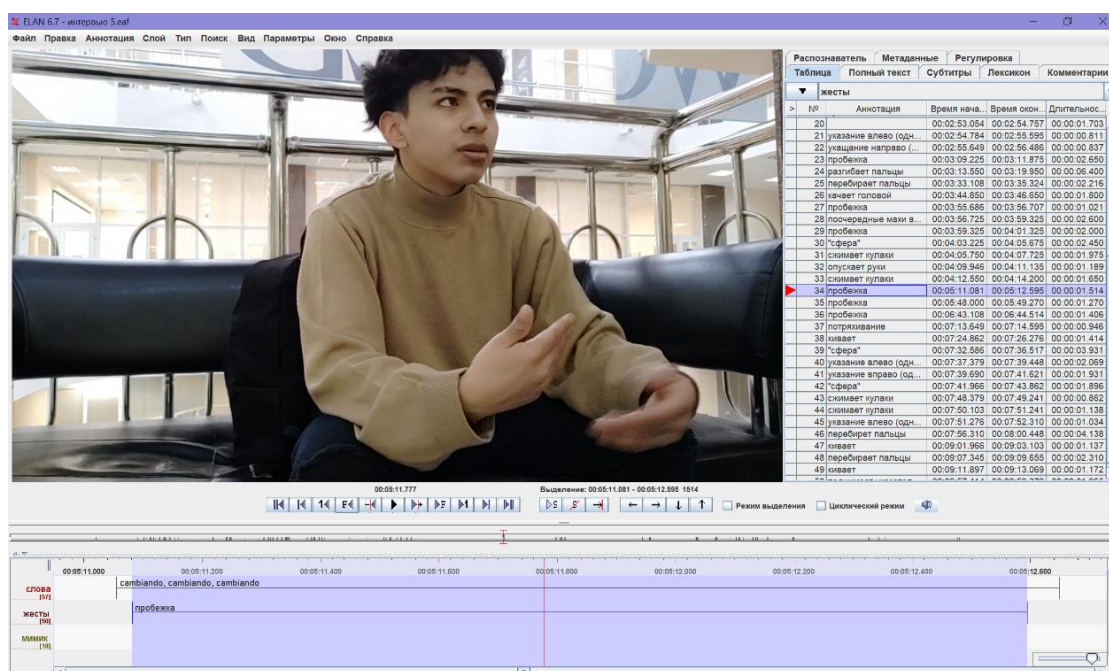

Рисунок 4. Жест «пробежка»

После завершения повествования респонденты не раз используют сочетание жестов «разводит руками + пожимает плечами + наклоняет голову назад и влево/вправо» и мимических движений «опускает уголки губ/поджимает губы» (рис. 5). Использование данных цепочек невербальных средств может быть обусловлено их желанием показать, что процесс влияния колонизации на культуру коренного населения необратим и нынешнему обществу остается только вспоминать о событиях того времени.

Рисунок 5. Сочетание жестов «разводит руками + пожимает плечами + наклоняет голову влево» и мимических движений «опускает уголки губ и поджимает губы»

В таблице 3 представлены самые частотные вербальные и невербальные средства, а именно: *conquista* (слова, 51 случай употребления), *colonización* (слова, 31 случай употребления), «разводит ладонями» (жесты, 15 случаев употребления), «морщит нос» (мимика, 7 случаев употребления) и т. д.

Таблица 3. Мультимодальная репрезентация компонента «природа боли» в нарративах социальных страданий о конкисте

Название	Слой	Частота
conquista	слова	51
colonización	слова	31
matanza	слова	22
la religión	слова	21
el cambio	слова	16
los esclavos	слова	16
разводит ладонями	жесты	15
пробежка	жесты	9
указывает влево	жесты	8
разгибает пальцы	жесты	6
смотрит вверх	МИМИКА	7
морщит нос	МИМИКА	5
морщит лоб	МИМИКА	3

Большинство интервьюируемых стремились поддерживать зрительный контакт с интервьюером, были открыты к разговору, а также активно использовали мануальные жесты, сопровождающие речь, однако при актуализации данного компонента культурной травмы выявлено сравнительно небольшое количество мимических движений.

Так, невербальными воплощениями первого компонента являются в основном мануальные жесты («перечисление», «указание» и «развитие») и мимические движения, которые можно отнести к проявлению негативных эмоций и переживаний относительно того, что происходило в период европейского завоевания.

2.4. Вербальная составляющая репрезентации компонента «природа жертвы» в нарративах социальных страданий о конкисте

Второй компонент «природа жертвы» описывает группу людей, которая испытала травмирующую боль. В нарративах, полученных в ходе интервью, данная репрезентация травмы главным образом представлена и вербализована упоминанием коренных жителей Латинской Америки. Так, языковыми средствами репрезентации природы жертвы являются этнонимы: майя, инки, ацтеки, яки, тлашкальтеки (*maya, aztecos, incas, yaquis, tlaxcaltecas*), обобщённые наименования племен (*población* – население, *comunidad/es* – сообщество(а), *miembros de ellos* – их члены, *grupos* – группы, *pueblos* – народы, *culturas* – цивилизации/культуры, *habitantes* – жители), а также прилагательные и словосочетания с семантикой «коренной», которые подчеркивают их статус как коренного населения Латинской Америки (*los indias* – индейцы, *los aborígenes* – аборигены, *los indígenas* – коренные народы, *los pueblos indígenas* – коренные народы, *los pueblos aborígenes* – коренные народы, *los pueblos nativos americanos* – коренные американские народы, *los pueblos latinoamericanos* – народы Латинской Америки, *las tribus nativas* – коренные племена, *la comunidad indígena* – коренная община, *la raza indígena*

– раса коренных жителей, *los habitantes nativos* – коренные жители). Примеры 31–34 иллюстрируют наличие языковой репрезентации данного аспекта травмы в нарративах.

(31) *Los aztecas, los mayas y los incas fueron atacada horribilmente.* **Ацтеки, майа и инки** подверглись ужасному нападению (Интервью № 1).

(32) *Entonces los españoles llegaron y mataron ahí a la mayoría de la población: azteca, maya.* Затем пришли испанцы и перебили там большую часть **населения: ацтеков, мая** (Интервью № 7).

(33) *En toda Latinoamérica se mantienen algunas **tribus nativas**.* По всей Латинской Америке сохранилось лишь небольшое количество **коренных племен** (Интервью № 2).

(34) *Ellos asesinaron mucha gente, y los **indígenas** intentaron defenderse.* Они убили много людей, а **коренные жители** попытались защитить себя (Интервью № 5).

9 из 12 респондентов упоминали легенду об убитом испанцами вожде инков – Атауальпа (*Atahualpa*) – и использовали языковые средства, вербализующие его статус «жертвы» завоевания (*víctima* – жертва, *prisionero* – узник, *estar encerrado* – быть заключенным, *capturar* – схватить). Согласно лексико-семантическому критерию, данные лексические единицы были отнесены в ЛТГ «Жертва». В нарративах нередко упоминалось имя другого вождя инков – Уаскара (*Huáscar*) – и имя девушки – Мануэлы Баес (*Manuela Báez*), которая, согласно легенде, была жестоко наказана испанцами за помощь в освобождении Атауальпы из плена. Примеры 35–38 иллюстрируют использование языковых средств репрезентации жертвы.

(35) *Hay una historia, leyenda sobre **Atahualpa** y **Huáscar**, creo que es conocida en Ecuador. **Atahualpa** fue un **prisionero** de los españoles.* Есть одна история, легенда об **Атауальпе** и **Уаскаре**, которая достаточно известна в Эквадоре. **Атауальпа** стал **пленником** испанских колонизаторов (Интервью № 2).

(36) *Atahualpa* quien era el líder de los Incas **estaba encerrado** en un cuarto.

Атауальпа был вождем инков и **был заточен** в комнате (Интервью № 3).

(37) *Atahualpa* me parece que fue el líder de una comunidad indígena y fue una **víctima**, fue un **prisionero** de los españoles. Мне кажется, Атауальпа был лидером индейской общины и **жертвой** завоевания, он стал **пленником** испанцев (Интервью № 8).

(38) *Manuela Báez* era una chica que ayudó a liberar a *Atahualpa*.

Мануэла Баес – это девушка, которая помогла освободить Атауальпу (Интервью №2).

Помимо легенд о вождях, респонденты также рассказали о нескольких традициях, праздниках, реликвиях, принадлежащих культуре коренного населения, например (*Inti Raymi* – праздник Инти Райми, *Chichén Itzá* – древний город Чичен-Ица, *Dios Sol* – Боги Солнца, *Dios Agua* – Боги воды, *ciudad llamada Eldorado* – город под названием Эльдorado, *el culto de la Virgen de Guadalupe* – культ Девы Гваделупской, *la antigua Diosa Tonantzin* – древняя богиня-мать Тонанцин, *la batalla del Pichincha* – Битва при Пичинче, *la caída de Tenochtitlán (México)* – падение Теночтитлана (Мехико), *el Virreinato de la Nueva España* – вице-королевство Новая Испания, *la leyenda de la Llorona en Xochimilco* – легенда о Ла Йороне «Плакальщица» в Сочимилько, *el lago de Texcoco* – озеро Тескоко). Информанты отмечают, что мало знают о реалиях жизни коренного населения Латинской Америки (майя, ацтеки и инки) до колонизации, обвиняя конкистадоров и испанскую корону в стремлении уничтожить все, что связано с язычеством, и навязать племенам католическую религию и новый язык.

В процессе интервьюирования респонденты рассказали, что на территории стран американских континентов все еще есть индейские племена, но живут они в дали от инфраструктуры и избегают взаимодействия с городским населением, участники эксперимента дают им номинацию *tribus escondidas* – прячущиеся племена. В речи латиноамериканцев использованы топонимы (*Sierra* – Сьерра, *la Amazonía* – дождевые леса Амазонии, *el río*

Amazonas – река Амазонка, *las montañas* – горы, *Península de Yucatán* – Полуостров Юкатан, *la Patagonia* – Патагония), которые детектирует местоположение таких сообществ. Однако все же есть и такие племена, которые под влиянием современных цивилизаций модернизируются и развиваются: отправляют своих соплеменников учиться или сами живут в городах (*Otavalo* – Отавало, *Riobamba* – Риобамба) в единстве с обществом. Примеры 39–42.

(39) *Las comunidades que conozco viven en las montañas, otros tienen sus tribus escondidas y otros conviven con la sociedad, por ejemplo, en ciudades como Otavalo, Riobamba.* Есть сообщества, которые как я знаю, **живут в горах**, другие же скрывают свое **местоположение**, а другие **живут бок о бок с обществом**, например, в таких городах как **Отавало** и **Риобамба** (Интервью № 7).

(40) *Normalmente puedes encontrar estas personas en la parte de la Sierra o en el río Amazonas.* Их можно найти **в горах Сьерры** или **у берегов Амазонки** (Интервью № 12).

(41) *Hay culturas que viven alejadas de la sociedad por elección propia.* Есть культуры, которые **живут вдали от общества**, и это их собственный выбор (Интервью № 8).

(42) *Hay muchos pueblos que se han mantenido en sus orígenes. En Ecuador hay bastantes pueblos nativos americanos, podría decirse, indígenas que tienen sus costumbres registrar intactas. Y hay otros que han logrado un poco modernizarse. Envían a miembros de ellos a la ciudad que se eduquen.* Есть много народов, которые **остались у своих истоков**. В Эквадоре проживает большое количество коренных американцев, можно сказать, коренных народов, которые **сохранили свои обычаи**. Однако есть и другие, которым удалось немного **модернизироваться**. Они отправляют своих соплеменников **в город**, чтобы они **получили образование** (Интервью № 2).

В результате анализа, направленного на выявление особенностей языковой репрезентации аспекта «природа жертвы» в нарративах социальных

страданий, можно сделать следующий вывод: в речи представителей латиноамериканской лингвокультуры данный аспект вербализован посредством особых языковых средств, таких как: этнонимы, топонимы и имена собственные, которые называют группу людей, непосредственно пострадавших во время испанского завоевания. Кроме того, вербальными репрезентантами «природы жертвы» являются также оценочные существительные и прилагательные, характеризующие жертв нападения, переживших культурную травму. Часть примеров иллюстрирует настоящее положение дел в Латинской Америке, авторы нарративов указывают на то, что сохранилось лишь небольшое количество поселений коренных народов, некоторые из которых скрываются от общества, а другие интегрируются в него.

2.5. Невербальная репрезентация компонента «природа жертвы» в нарративах социальных страданий о конкисте

При анализе языковой репрезентации второго компонента культурной травмы «Природа жертвы» в интервью были выделены временные промежутки, когда респонденты повествуют о группе людей, наиболее пострадавших от действий колонизаторов. Так, определено несколько уникальных невербальных и мультимодальных средств репрезентации данного компонента культурной травмы.

Среди повторяющихся мануальных жестов выделяются указательные жесты («указывает вправо одной или двумя руками», «указывает рукой за спину», «указывает рукой перед собой», «отводит руки от себя влево/вправо»), представленные на рис. 6, а также изобразительные жесты, отмеряющие расстояние или количество («разводит указательный и большой палец одной руки», мануальный жест «щепотка»). Данные невербальные средства сопровождают этнонимы при описании численности индейских племен,

пострадавших во времена конкисты, а также топонимы в рассказе об их местонахождении.

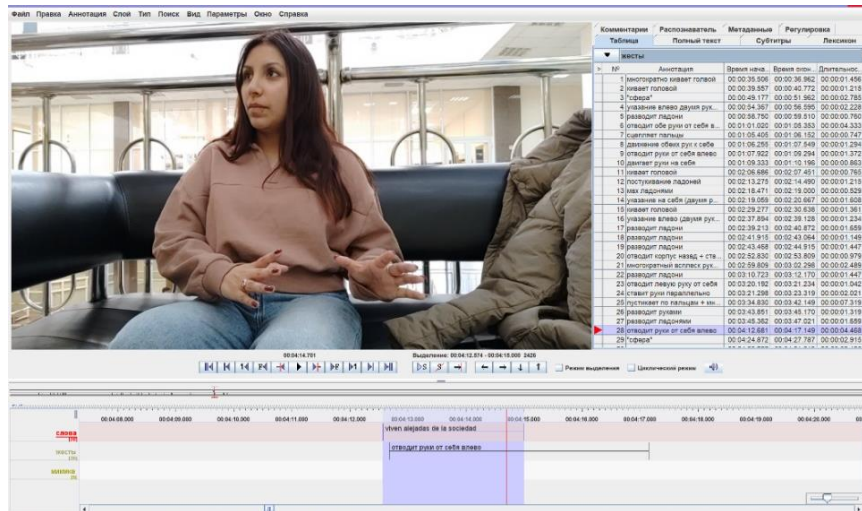

Рисунок 6. Жест «отводит руки от себя влево»

Уникальным мануальным жестом для данного компонента репрезентации культурной травмы является жест «поочередно ставит обе руки/ладони ребром перпендикулярно друг другу» (рис. 7), используемый при противопоставлении «виновников» и «жертвы» конкисты. Данный жест был использован в контексте неприятия испанцами индейской культуры и навязывания коренному населению ценностей, традиций и религии европейской цивилизации.

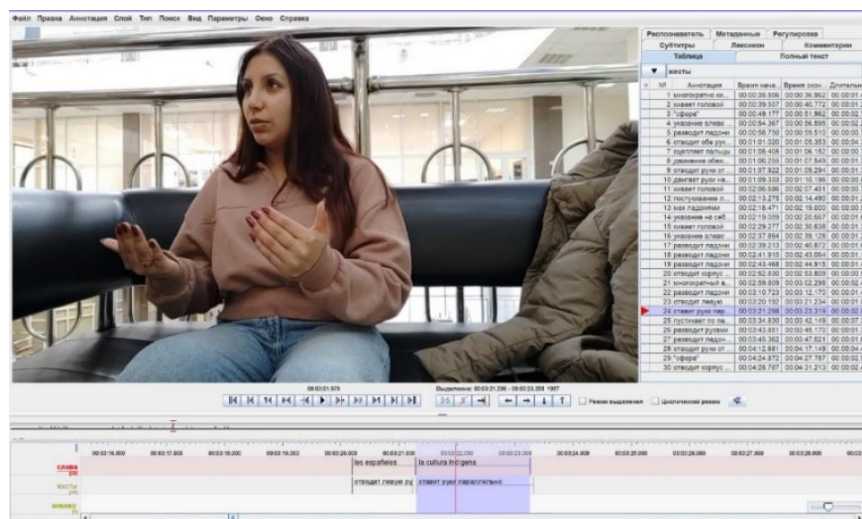

Рисунок 7. Жест «поочередно ставит обе руки перпендикулярно»

В таблице 4 представлены самые частотные вербальные и невербальные средства, актуализирующие природу жертвы в нарративах латиноамериканцев: *indígenas* (слова, 53 случая употребления), *incas* (слова, 17 случаев употребления), «указывает вправо/влево» (жесты, 10 случаев употребления), «расстояние» (жесты, 8 случаев употребления), «смотрит вверх/вниз» (мимика, 9 случаев употребления) и т. д.

Таблица 4. Мультиmodalная репрезентация компонента «природа жертвы» в нарративах социальных страданий о конкисте

Название	Слой	Частота
<i>indígenas</i>	слова	53
<i>incas</i>	слова	17
<i>mayas</i>	слова	16
Atahualpa	слова	15
<i>aztecas</i>	слова	14
кивает	жесты	15
указывает вправо/влево	жесты	10
расстояние	жесты	8
смотрит вверх/вниз	мимика	9
разгибает/загибает пальцы	жесты	6
улыбается	мимика	5

Важно отметить, что в рамках обсуждения данного компонента языковой репрезентации культурной травмы респонденты начинали активно жестикулировать (многократные махи руками) и проявлять относительную мимическую активность (улыбаться и поддерживать зрительный контакт, представленные на рис. 8) во время повествований о быте индейских племен, то есть при упоминании легенд и праздников, которые были свойственны коренному населению двух американских континентов еще до прибытия испанских завоевателей, что, в свою очередь, может свидетельствовать о том, что респонденты испытывают положительные эмоции, проявляют неподдельный интерес к культуре древних цивилизаций, поскольку ассоциируют себя с завоеванными племенами и ощущают коллективную

идентичность. Сдержанность при обсуждении природы боли указывает на то, что конкиста является травматическим прошлым латиноамериканского народа.

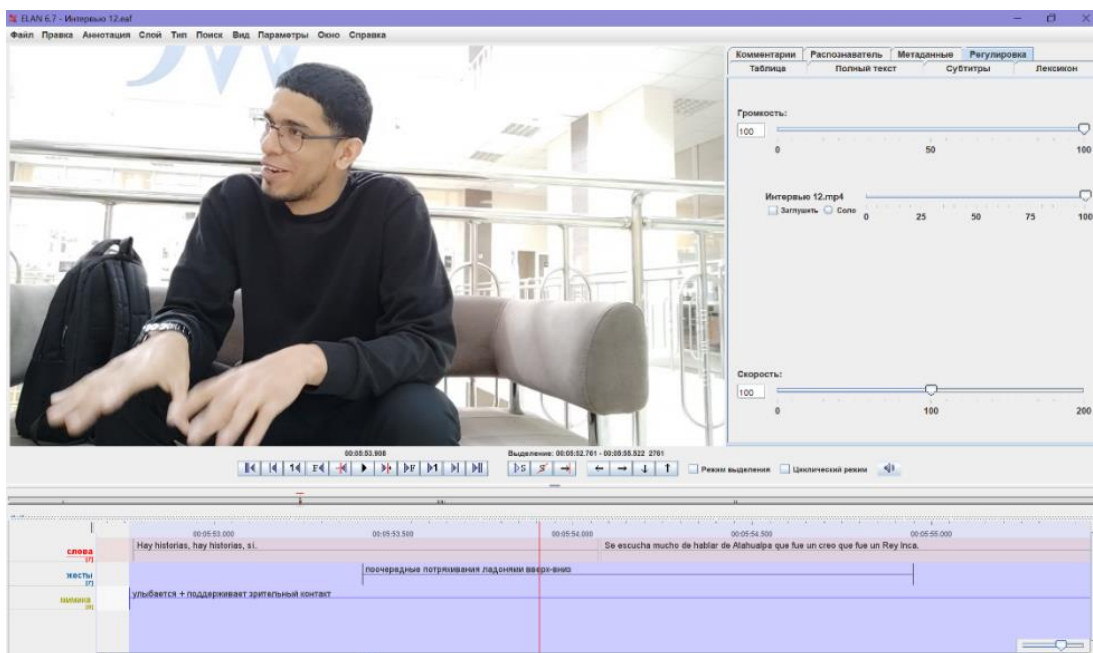

Рисунок 8. Сочетание мимических движений «улыбается + поддерживает зрительный контакт»

Таким образом, было выделено сравнительно небольшое количество мультимодальных репрезентаций данного компонента культурной травмы. Это можно объяснить тем, что сейчас сохранилось лишь небольшое количество представителей коренного населения латинской Америки, чьи предки были подвержены гонениям со стороны захватчиков. Кроме того, испанские власти всячески пытались уничтожить культуру местного населения, вытесняя ее испанскими католическими традициями. Так, в коллективной памяти народа осталось не так много информации о жизни индейских плен до прихода завоевателей.

2.6. Вербальная составляющая репрезентации компонента «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» в нарративах социальных страданий

Третий компонент языковой репрезентации культурной травмы – «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» – предполагает описание того, в какой степени представители латиноамериканской лингвокультуры идентифицируют себя с группой, непосредственно подвергшейся нападению со стороны конкистадоров, то есть с их давними предками и народами, проживавшими на территории южноамериканского и североамериканского континентов.

Авторы нарративов о конкисте часто используют личное местоимение 1 л. мн. ч. *nosotros* (мы), его разряды (*nos, nuestro/os*), а также глаголы в 1 л. мн. ч., когда рассказывают о событиях, происходивших во время колонизации Латинской Америки, что говорит о том, что они соотносят себя с жертвами травмирующего события. Респонденты отдают предпочтение глаголам в настоящем времени *Presente de Indicativo* и *Pretérito Perfecto*, когда рассказывают о культурном влиянии колонизации: например, *han cambiado* (они изменили), *tenemos* (имеем), что указывает на связь событий прошлого с настоящим.

Выделены в отдельную группу словосочетания с притяжательным местоимением *nuestro*: *nuestras raíces* (наши корни), *nuestra cultura* (наша культура), *nuestra historia* (наша история), *nuestros antepasados* (наши предки) и др. Данные языковые единицы указывают на то, что респонденты из Латинской Америки соотносят себя с культурой и историей не только своих предков и соотечественников, но и жителей других стран Латинской Америки. Так, можно заключить, что испанская колонизация как травмирующее событие усилила процессы формирования коллективной идентичности латиноамериканского общества и по сей день является связующим звеном для бывших колоний Испании.

Одной из групп языковых средств, позволяющих обнаружить данный компонент в нарративах, является лексико-тематическая группа «Единение, связь», которая представлена существительными, прилагательными и глаголами с семантикой «единство»: *sentimiento mutuo* (взаимное чувство), *sentimiento de unión* (чувство единения), *apoyarse mutuamente* (поддерживать друг друга), *conexión* (связь), *historias similares* (похожие истории), *unidad* (единство), *unir* (объединить), *solo pueblo* (едины народ), *hermanos míos* (мои братья), *iguales* (одинаковые), *compartirse* (разделять), *parecerse* (походить). Респонденты используют в речи топонимы – названия стран и американских континентов, завоеванных конкистадорами (*Chile* – Чили, *Perú* – Перу, *Argentina* – Аргентина, *Colombia* – Колумбия, *Ecuador* – Эквадор, *México* – Мехико/Мексика, *países andinos* – андские страны, *toda la América Latina* – вся Латинская Америка, *los estados de América Latina* – государства Латинской Америки, *Centroamérica* – Центральная Америка, *Norteamérica* – Северная Америка, *Sudamérica* – Южная Америка), что, в свою очередь, подтверждает, что они соотносят себя с более широкой аудиторией и ощущают связь с представителями других стран из-за общей трагической истории. Примеры 43–45 вербализуют связь жертвы с широкой аудиторией.

(43) *Yo considero de que la **unidad** entre los pueblos es algo fundamental. Y en esto caso entre los pueblos latinoamericanos para mí personas de **Ecuador**, de **Chile**, **Perú** también son **hermanos míos**. Antes nosotros éramos literalmente un **solo pueblo**. Я считаю, что **единство** народов является фундаментальным явлением. И в этом случае для меня представители латиноамериканских народов, люди из **Эквадора**, из **Чили**, из **Перу**, – **мои братья**. Раньше мы были буквально **одним народом** (Интервью № 9).*

(44) *Creo que es un **sentimiento** que se **comparte** con los **países de Latinoamérica: Perú, Colombia, países andinos**. Entonces, es como un **sentimiento mutuo**, una **conexión** que hay. Я думаю, что это **чувство разделяют страны Латинской Америки: Перу, Колумбия, страны Анд**. Это похоже на*

взаимное чувство, некую **связь**, которая существует среди нас (Интервью № 2).

(45) *Fue un evento que abarcó toda la América Latina. Historias similares, prácticamente iguales en todas partes: Centroamérica, Norteamérica, con México, Sudamérica.* Это событие охватило **всю Латинскую Америку. Похожие истории**, практически **одинаковые** во всех частях: **в Центральной Америке, Северной Америке (Мексика), Южной Америке** (Интервью № 2).

В ходе анализа было также установлено, что смешение кровей индейцев и испанцев до сих пор является актуальной проблемой для представителей латиноамериканской лингвокультуры. Такие номинации, как: метисы (*mestizos*), мулаты (*mulatos*), креолы (*criollos*), люди смешанной крови (*personales de sangre mezcla*) были выделены в ЛТГ «Метисы». Респонденты используют данные номинации, чтобы описать связь между группой-жертвой и группой-виновников, делая акцент на том, что именно на особенностях их происхождения строится и формируется коллективная идентичность всего народа Латинской и Центральной Америки. Примеры 46–47 иллюстрируют данный аспект травмы на языковом уровне.

(46) *Entonces, nos hicimos una mezcla entre mestizos, porque a nosotros somos mestizos, no somos ni blancos, ni negros. Somos mestizos.* Итак, мы **перемешались** с другими метисами, так что мы – **метисы**, мы **не белые и не черные**. Мы **полукровки** (Интервью № 8).

(47) *Nos llamamos mestizos, personales de sangre mezcla. Pero yo creo que en ese sentido de apropiación e identidad cultural todavía nosotros lo somos. Nuestra raiz, y nuestra, digamos, nuestra ascendencia es algo que nunca va a cambiar.* Мы называем себя **метисами**, **людьми смешанной крови**. Но я думаю, что это чувство принадлежности и культурной самобытности определяет, кто мы есть. Наши **корни** и, скажем так, наша **родословная** – это то, что никогда не изменится (Интервью № 9).

Еще одной группой языковых средств, которые вербализуют данный аспект травмы в речи, является использование так называемых эвфемизмов –

перифразов, заменяющих языковые единицы, вербализующие нелицеприятные события и факты, связанные с испанской конкистой. К ним относятся другие наименования праздника *Día de la Hispanidad* (День испанской нации), которые используются в разных регионах Латинской Америки: *Día de la Raza* (День расы) в Колумбии, *Día de la Nación Pluricultural* (День многокультурной нации) в Мексике, *Día de la Interculturalidad y Plurinacionalidad* (День межкультурного общения и многонациональности) в Эквадоре.

День испанской нации ежегодно отмечается 12 октября, когда Христофор Колумб открыл Америку, этот день служит для восхваления испанской культуры, языка и истории, что в последние десятилетия вызывает у представителей латиноамериканских стран обиду, отторжение и даже ненависть, поскольку праздник напоминает им о травмирующем событии, которое привело к исчезновению целых цивилизаций. Таким образом, современные латиноамериканцы используют новые номинации, заменяя лексические единицы, которые вызывают негативную реакцию и травмирующие воспоминания, поскольку ощущают связь со своими предками, которые пострадали от действий конкистадоров.

Таким образом, представители латиноамериканской лингвокультуры не только признают, что индейские племена стали жертвами культурной травмы и носителями трагической истории, но и считают травматическое прошлое коренных жителей собственным настоящим. Авторы нарративов мысленно и присоединяются к тем, кто испытал первоначальную травму. Коллективная память и коллективная идентичность жителей Латинской Америки сформирована на основе трагической участи индейцев – жертв испанской колонизации.

2.7. Невербальная репрезентация компонента «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» в нарративах социальных страданий

«Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» является следующим компонентом нарративов социальных страданий о конкисте. Данный аспект раскрывается через описание связи, которая существует между жертвами колонизации и нынешнем населением Латинской Америки.

Респонденты поддерживали зрительный контакт с интервьюером, а также активно сопровождали свою речь жестами. Было также выделено большое количество мимических движений.

Отмечены следующие повторяющиеся мануальные и цефалические жесты: «кивает», «прижимает одну/обе руки к груди», «указывает на себя одной рукой», «указывает на себя двумя руками» (рис. 9). Вышеперечисленные жесты сопровождали вербальные средства актуализации данного компонента языковой репрезентации культурной травмы – личные местоимения, глаголы, топонимы, а также языковые единицы из ЛТГ «Метисы».

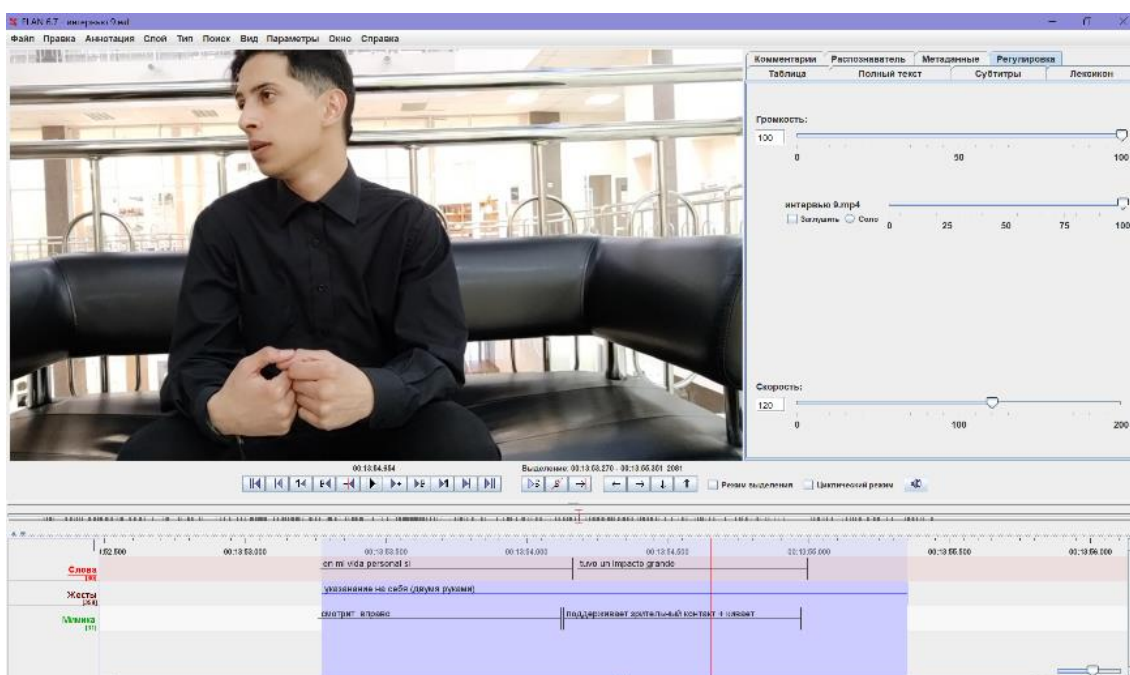

Рисунок 9. Жест «указывает на себя двумя руками»

Была выделена особая группа мануальных жестов – «Объединение», в которую вошли такие жесты, как «формирует круг двумя руками» (рис. 10), «переплетает пальцы», «обводит окружность двумя руками». Данные жесты сопровождали лексемы из ЛТГ «Единение, связь».

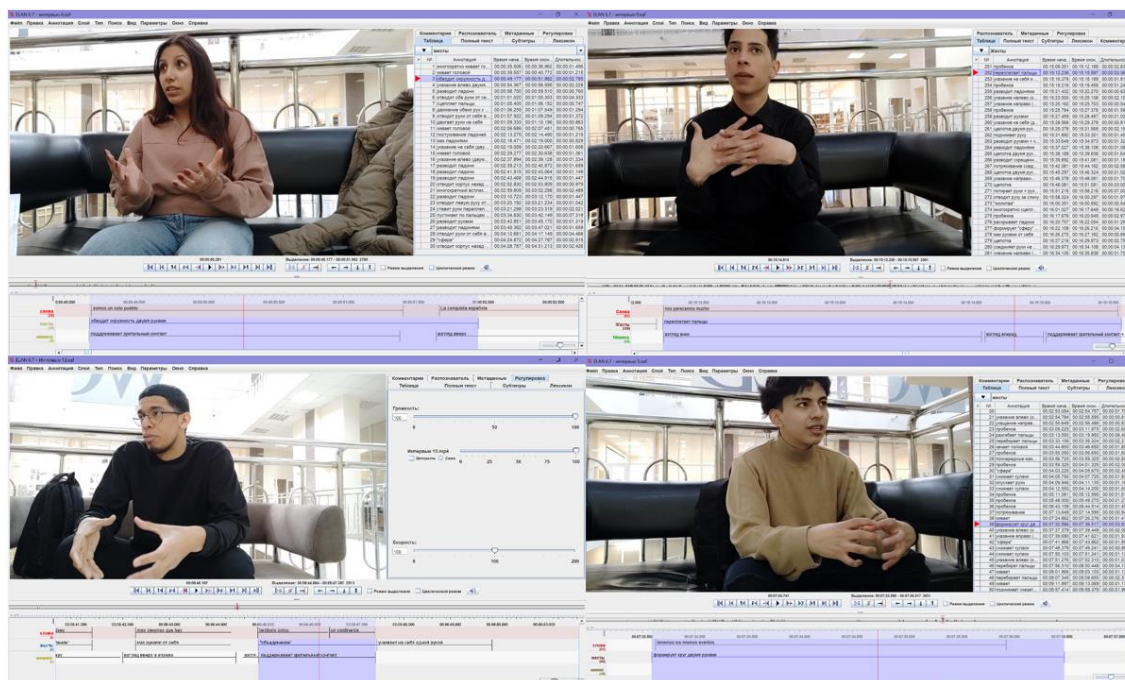

Рисунок 10. Группа мануальных жестов «Объединение»

Важно отметить, что самые часто используемые жесты можно назвать уникальными для мультимодальной репрезентации связи жертвы травмы с более широкой аудиторией, поскольку они присутствуют только в нарративных фрагментах, связанных с повествованием о данном компоненте языковой репрезентации. Активная жестикуляция и мимика (рис. 11) указывают на то, что респонденты настроены на разговор и хотят поделиться фактами, историями и легендами, которые они узнали от своих предков и родственников.

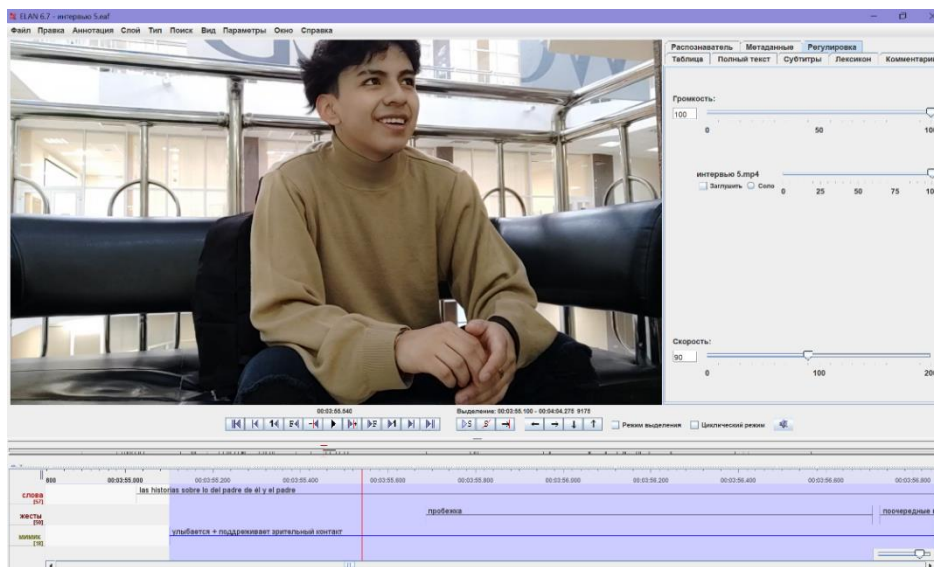

Рисунок 11. Сочетание мимических движений «улыбается + поддерживает зрительный контакт»

В таблице 5 представлены самые частотные вербальные и невербальные средства, актуализирующие природу жертвы в речи латиноамериканцев: *nosotros* (слова, 47 случаев употребления), *lo mismo* (слова, 19 случаев употребления), «кивает» (жесты, 17 случаев употребления), «объединение» (жесты, 15 случаев употребления), «указывает на себя» (жесты, 13 случаев употребления), «поддерживает зрительный контакт» (мимика, 29 случаев употребления), «улыбается» (мимика, 25 случаев употребления) и т. д.

Таблица 5. Мультимодальная репрезентация компонента «связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» в нарративах социальных страданий о конкисте

Название	Слой	Частота
nosotros	слова	47
lo mismo	слова	19
unión	слова	16
mezcla	слова	10
nuestra cultura	слова	7
кивает	жесты	17
«объединение»	жесты	15
указывает на себя одной рукой	жесты	13
поддерживает зрительный контакт	мимика	29
улыбается	мимика	25

Взаимодействие элементов трех слоев аннотирования (слова, жесты и мимика) свидетельствует о том, что даже сейчас жители латиноамериканских стран признают наличие связи и общности с индейцами, которые стали жертвами испанского завоевания. Более того, благодаря уникальным мануальным жестам из группы «Объединение» респонденты делают акцент на единстве всех стран Латинской Америки, которые в прошлом стали жертвами колонизации.

2.8. Вербальная составляющая репрезентации компонента «возложение ответственности» в нарративах социальных страданий

Четвертый компонент «возложение ответственности» ярко представлен в нарративах латиноамериканцев несколькими группами языковых средств. Во-первых, необходимо отметить, что данный компонент травмы служит для установления личности преступника – «антагониста». Во-вторых, может быть представлен конструкциями, которые направлены на признание виновности и требование извинений за случившееся.

Так, представители латиноамериканской лингвокультуры, отвечая на вопросы «Кто травмировал жертву? Кто виноват в том, что случилось с кронными жителями Латинской Америки?», дали ответы, содержащие упоминание конкистадора Эрнана Кортеса (*Hernán Cortés*), королевы Изабеллы Кастильской (*la reina*), которая поддержала его и спонсировала путешествие для обогащения власти Испанской короны, а также саму королевскую власть и политику Испании (*la corona* – корона, *las personas del mundo alto rango* – люди высокого ранга в мире, *el reinado de España* – правительство Испании). Респонденты возлагают ответственность на испанцев – на солдат (*los soldados*), колонизаторов (*los colonizadores*), завоевателей (*los invasores*), противников (*los rivales*), конкистадоров (*los conquistadores*), а также на саму природу людей (*los hombres en general*), акцентируя внимание на желании человека управлять и доминировать.

Использование активного залога указывает на интенсивность действий со стороны группы «антагонистов». Примеры 48–52.

(48) *Hernán Cortés fue una de los **invasores**, porque la verdad ellos no tienen otro nombre.* Эрнан Кортес был одним из **захватчиков**, потому что нельзя назвать их иначе (Интервью № 9).

(49) *Hernán Cortés fue uno de los españoles que conquistó el gobierno peruano.* Эрнан Кортес был одним тех испанцев, который завоевал правительство Перу (Интервью № 3).

(50) *Podría decir que **la reina** sea en parte culpable.* Я сказал бы, что **королева** отчасти виновна (Интервью № 2).

(51) *Lo que realmente hicieron los **conquistadores** fue muy, muy malo. O sea los españoles y los **hombres en general** son responsables por lo que pasó. Ellos siempre han querido poder.* Действия **конкистадоров** были ужасны. **Испанцы и люди в целом** несут ответственность за то, что произошло. Они всегда хотят власти (Интервью № 1).

(52) *La **corona** y las **personas del mundo alto rango** que son las que enviaron a todos estos **colonizadores** a realizar estos actos son responsables.* Ответственность лежит на **Короне** и на **высокопоставленных лицах**, которые и послали всех этих **колонизаторов** для осуществления задуманного (Интервью № 8).

В нарративах латиноамериканцев главным антагонистом является Христофор Колумб, следовательно, его имя (*Cristóbal Colón*) можно рассматривать как индикатор, указывающей на преступника (примеры 53–54).

(53) *Cristóbal Colón no fue una buena persona, **Cristóbal Colón** no fue ningún salvador, **Cristóbal Colón** no fue un héroe. La realidad fue que **Cristóbal Colón** fue un asesino, un genocida.* Христофор Колумб не был хорошим человеком, Христофор Колумб не был спасителем, Христофор Колумб не был героем. Реальность заключалась в том, что Христофор Колумб был убийцей и виновником геноцида (Интервью № 9).

(54) *Lo hizo **Cristóbal Colón** realmente fue entrar en un territorio, cometer un genocidio contra muchas personas, implantarles las costumbres de la nación de donde él venía.* **Христофор Колумб** на самом деле вторгся на территорию, совершил геноцид против многих людей, навязал им свои обычаи (Интервью № 8).

В результате анализа было отмечено, что латиноамериканцы используют глаголы в формах настоящего времени *Presente de Indicativo* и *Presente de Subjuntivo* в сочетании с прилагательными из лексико-тематической группы «Вина» (*sea + culpables, son + responsables*). Так, становится понятно, что авторы нарративов до сих пор возлагают ответственность за произошедшее на людей, начавших завоевание.

Языковой аспект требования извинений выражается лексико-грамматическими конструкциями долженствования с инфинитивами (*deber + infinitivo*) и глаголами в форме условного наклонения *condicional simple* в сочетании с элементами дискурса извинения (*querer la disculpa* – желание извинений, *pedir perdón* – просить прощения, *las disculpas* – извинение) – примеры 55–58. В основном, респонденты делают акцент на важности принесения извинений прямым потомкам коренного населения, которое больше всего пострадало от испанского завоевания.

(55) *Al menos yo siento que ellos sí, **deben pedir perdón.*** По крайней мере, я чувствую, что да, они **должны просить прощения** (Интервью №1).

(56) *Bueno, honestamente, yo considero que por un tema de memoria historica, sí, **deberían hacerlo.*** Ну, честно говоря, я считаю, во имя исторической памяти, да, они **должны это делать** (Интервью № 9).

(57) *Aunque **las disculpas estarían bien, pero, más sería como a los nuestros antepasados que sufrieron por nosotros, lucharon por nosotros.*** **Извинения были бы** уместны, но они **больше нужны были** нашим предкам, которые страдали за нас, сражались за нас (Интервью № 5).

(58) *Yo sé que hay personas que **querría una disculpa.*** A lo personal, creo que no, no se los **exigiría, pero si lo hacen, sería de mi parte bien recibida.** Я знаю,

что есть люди, которые **хотят извинений**. Лично я **бы** не стал их **требовать**, но **если** они (испанцы) это **сделают**, то я приму это положительно (Интервью № 2).

Однако стоит отметить, что не все респонденты согласны с тем, что нужно требовать извинений от правительства Испании или всего испанского народа. Часть ответов на вопросы данного тематического блока были очень краткими, состояли из простых предложений, что дает возможность предположить, что респонденты не хотят рассуждать на эту тему.

Согласно Дж. Александеру, компонент языковой репрезентации «возложение ответственности» состоит из двух уровней: социального и символического. В нарративах о конкисте ярко представлены оба: респонденты упоминают конкретных исторических личностей и используют языковые единицы, вербализующие призывы к извинению и признанию вины. Так, выделенные группы лингвистических единиц и конструкций можно отнести к способам языковой репрезентации культурной травмы, раскрывающих данный ее аспект.

2.9. Невербальная репрезентация компонента «возложение ответственности» в нарративах социальных страданий

Четвертый компонент – «возложение ответственности» – представлен в тех нарративных фрагментах, в которых упоминаются конкретные исторические личности, институты и организации, которых можно причислить к группе «антагонистов», а также языковые конструкции, указывающих на наличие чувства вины и призыв взять ответственность за трагические события, произошедшие в период завоевания.

Стоит отметить, что в речи респондентов нередко присутствуют продолжительные паузы после вопросов интервьюера, во время которых представители латиноамериканской лингвокультуры отводят взгляд, опускают голову, потирают руки или касаются подбородка кулаком. Данные

жесты и мимические движения указывают на то, что участникам требуется время на размышления о виновных. Информанты не всегда могут однозначно ответить, целесообразно ли требовать извинений от целой страны за то, что совершили их предки несколько столетий назад. Однако оба уровня языковой репрезентации данного компонента (социальный и символический) сопровождалась как повторяющимися, так и уникальными мануальными и цефалическими жестами и мимическими движениями.

В интервью повторяются некоторые указательные мануальные жесты, например, «указывает одной/двумя руками влево» (рис. 12) и «указывает одной/двумя руками вправо». Данные жесты акцентируют внимание на конкретных личностях или властях, которые, по мнению респондентов, стоят за организацией испанского завоевания. При перечислении тех, кто активно принимал участие в завоевании и самолично обкрадывал, насиловал и убивал коренное население, респонденты используют жесты, которые ранее были отнесены к группе «Перечисление», то есть разгибание пальцев, ритмичные постукивания и кивки головой.

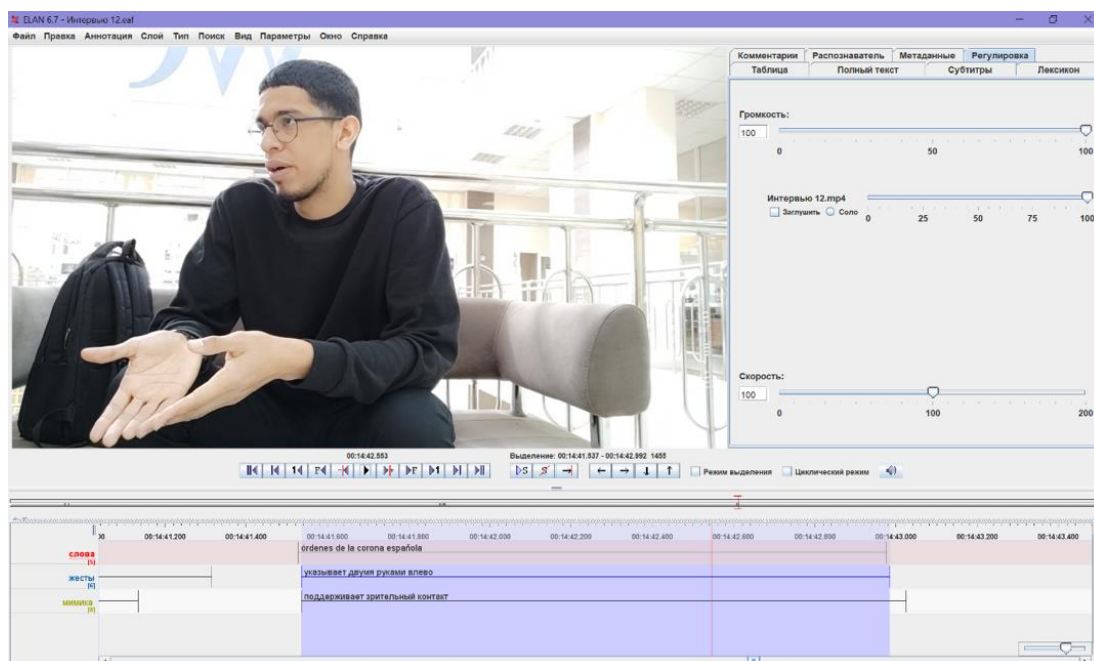

Рисунок 12. Жест «указывает двумя руками влево»

Мануальный жест «Кавычки» (рис. 13) является уникальным для четвертого компонента репрезентации культурной травмы. Так, респонденты используют данный жест, когда называют Христофора Колумба великим мореплавателем, первооткрывателем и героем. В данном случае кавычки выражают иронию и указывают на то, что в латиноамериканском сообществе Христофора Колумба считают инициатором завоевания и угнетения коренного населения.

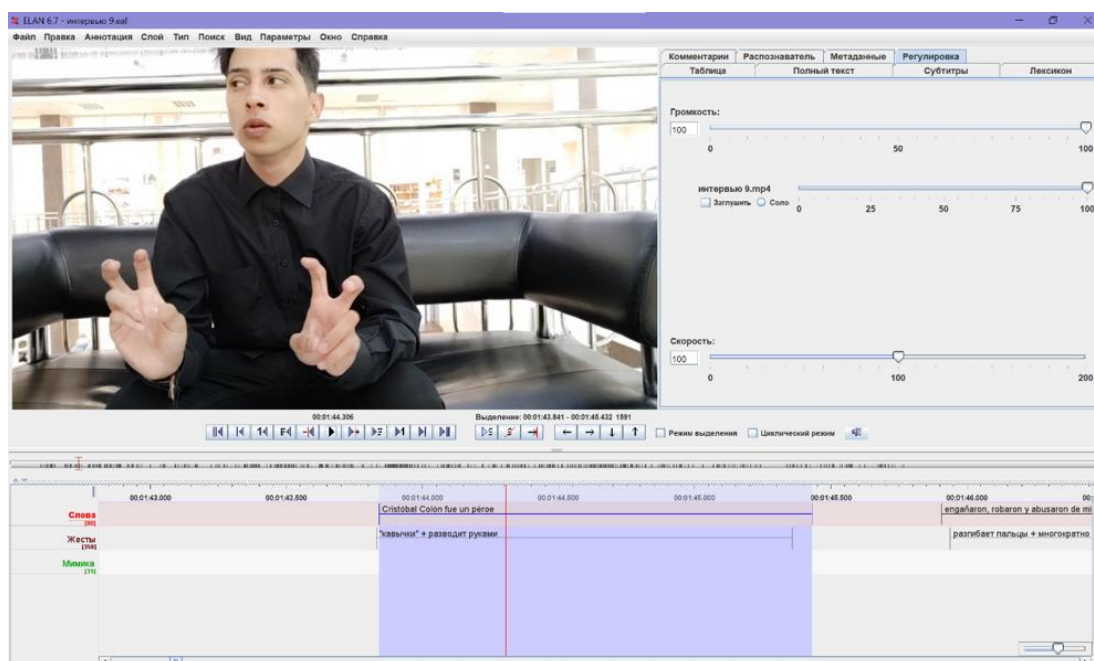

Рисунок 13. Жест «Кавычки»

В таблице 6 представлены самые частотные вербальные и невербальные средства, репрезентирующие возложение ответственности в речи латиноамериканцев: *los españoles* (слова, 79 случаев употребления), *Cristóbal Colón* (слова, 16 случаев употребления), «указывает вправо/влево» (жесты, 19 случаев употребления), «качает головой» (жесты, 15 случаев употребления), «хмурит брови» (мимика, 10 случаев употребления), «поджимает губы» (мимика, 7 случаев употребления) и т. д.

Таблица 6. Мультимодальная репрезентация компонента «возложение ответственности» в нарративах социальных страданий о конкисте

Название	Слой	Частота
los españoles	слова	79
Cristóbal Colón	слова	16
pedir perdón	слова	7
conquistadores	слова	5
указывает вправо/влево	жесты	19
качает головой	жесты	15
смотрит вверх/вниз	мимика	15
хмурит брови	мимика	10
поджимает губы	мимика	7

В ходе анализа отмечены периоды активного и пассивного проявления жестов и мимических движений. Как было отмечено ранее, часть участников не захотели дополнять свои повествования рассуждениями о поиске виновного, признании вины метрополии и необходимости требовать извинений от современной Испании. Отрицательные и краткие ответы на вопрос дополняются однозначным цефалическим жестом – качанием головой в разные стороны. Другие мимические движения и жесты отсутствуют.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

В рамках практической части настоящего исследования на первом этапе проведено 12 нарративных видеоинтервью с представителями латиноамериканской лингвокультуры, посредством которых были получены нарративы об испанской конкисте – повествования о травмирующем событии, на материале которых осуществлен мультимодальный анализ четырех компонентов языковой репрезентации культурной травмы: 1) природа боли; 2) природа жертвы; 3) связь жертвы с более широкой аудиторией; 4) возложение ответственности. Нарративные интервью включали в себя вопросы, которые помогали респондентам определять контекстуальные рамки и выбирать выразительные и языковые средства повествования для передачи реалий коллективной трагедии.

Полученные нарративы раскрывают сущность травмирующего события и позволяют проанализировать ущерб, нанесенный коллективной гордости и идентичности народа, получившего культурную травму. Они представляют собой индивидуальные истории страданий, которые выходят за рамки личной трагедии и таким образом конструируют повествования от лица целого народа и общности, превращая их в нарратив социальных страданий.

На втором этапе исследования в процессе работы в программе ELAN было проаннотировано и проанализировано 1696 элементов, среди которых 630 – в слое «Жесты», 213 – в слое «Мимика» и 853 – в слое «Слова». Так, были определены мультимодальные средства репрезентации культурной травмы в нарративах латиноамериканцев о конкисте. В дополнение к этому был проведен дополнительный более детальный анализ вербальных средств, актуализирующих каждый компонент в нарративах.

Во всех нарративах отправной точкой и каркасом для формирования коллективной памяти являются языковые средства, конструирующие центральный компонент языковой репрезентации культурной травмы – «природу боли», а также невербальные элементы, которые дополняют и

расширяют вербальную репрезентацию, превращая ее в мультимодальную. Респонденты рассказывают о травмирующем событии (испанской колонизации Латинской Америки), которое стало причиной дезорганизации общества и нанесло культурную травму. Вербализациями природы боли стали группы языковых средств из лексико-тематических групп «Насильственные действия» (убийства, трагические события), «Насилие над женщинами» (изнасилование, смещение крови), «Разрушение» (уничтожение природных ресурсов, грабежи, драгоценные материалы), «Дискриминация местного населения», отрицательно-оценочные прилагательные, наречия и существительные.

Для создания акцента на концептуально-важной информации (последовательность исторических событий в период колонизации и разделение на группы «жертвы» и «виновники») респонденты используют мануальные и цефалические жесты из группы «Перечисление», и мануальные указательные жесты вправо и влево. Мануальный жест «Пробежка» является уникальным для данного компонента языковой репрезентации и сопровождает глаголы с негативной семантикой, входящие в выделенные ЛТГ «Насильственные действия» и «Разрушение». Выявлено сравнительно небольшое количество мимических движений, которые можно отнести к проявлению негативных эмоций и переживаний относительно происшедшего в период конкисты.

Нарративные фрагменты, репрезентирующие аспект «природа жертвы», содержат такие языковые средства, как: топонимы, этнонимы, общие наименования племен и имена вождей. Данные языковые единицы подробно описывают группы людей (индейские племена Южной и Северной Америки), которые пострадали от действий испанских конкистадоров. Посредством описания жертв трагедии строится вся концепция культуры латиноамериканского общества, которое испытывает дискомфорт и другие негативные последствия травмирующего события.

К мультимодальным средствам репрезентации «природы жертвы» относятся указательные и иллюстративные жесты. Указательные жесты сопровождают упоминание этнонимов и топонимов при описании индейских племен, пострадавших во времена конкисты. Для визуализации противопоставления индейцев как группы «жертвы» и конкистадоров как группы «виновников» используется уникальный мануальный жест «поочередно ставит обе руки/ладони ребром перпендикулярно друг другу».

«Связь жертвы травмы с более широкой аудиторией» на языковом уровне проявляется в форме языковых единиц из лексико-тематических групп «Единение, связь», «Метисы», топонимов, а также эвфемизмов для наименования праздника *Día de la Hispanidad* (День испанской нации) в разных частях Южной Америки. Авторы нарративов используют глаголы настоящего времени *Presente de Indicativo* в форме 1 л. мн. ч. поскольку считают травматическое прошлое коренного населения Латинской Америки своим настоящим и соотносят себя с жертвами травмы. Данные формы репрезентации культурной травмы послужили основой для формирования новой коллективной идентичности жителей Латинской Америки.

Повествование о связи жертвы с широкой аудиторией характеризуется активной жестикуляцией и разнообразием мимических движений, что, в свою очередь, указывает на связь поколений и единение народов. Группа мануальных жестов «Объединение», а также жесты указания на себя являются уникальными для данных нарративных фрагментов и сопровождают лексемы из выявленных ЛТГ. Так, взаимодействие вербального и невербальных каналов коммуникации помогает ярче показать, как травматическое прошлое народа резонирует в жизни потомков, проживающих в Латинской Америке.

Четвертый компонент культурной травмы – «возложение ответственности» – раскрывается через использования лексико-семантических средств и грамматических конструкций, указывающих на виновника трагического события, а также требования от виновника (Испании) взять ответственность за содеянное и принести извинения. Данный компонент

конструирует коллективную идентичность «мы» как травмированной группы людей через противопоставление группе-антагонистов, людей и систем, целью которых было покорение народов Латинской Америки и завоевание земель для обогащения Испанской короны.

Обнаружено использование указательных мануальных жестов, а также жестов из группы «Перечисление» для акцентирования внимания на «виновниках» трагического события. Уникальный мануальный жест «Кавычки», который используется при упоминании имени Христофора Колумба, выражает иронию и несогласие с традиционным образом, который конструируется в Испании вокруг данной исторической личности. Активная жестикуляция и мимика большей части респондентов при ответе на вопросы из данного тематического блока контрастирует с мультимодальным поведением некоторых участников эксперимента, которые отказываются искать виноватых и сомневаются в целесообразности требования извинений от Испании. Так, их краткие и односложные ответы сопровождаются однозначным цефалическим жестом – покачивание головы из стороны в сторону. Мимика и жестикуляция, в целом, пассивные.

Важно отметить, что на протяжении многих веков власть, СМИ и другие государственные институты Испании стремятся легитимировать конкисту в глазах испанского и мирового сообщества, предпринимаются попытки обелить имена завоевателей и стереть травматические события из истории Латинской Америки. Нарративы социальных страданий дают возможность убедительно донести до широкой аудитории другое видение данного исторического события, а язык травмы позволяет конструировать все компоненты травмирующего события, которое привело к усилению процесса формирования коллективной идентичности. Записанные в рамках данного исследования нарративы содержат вербальные и невербальные средства, которые воссоздают трагический опыт прошлого и служат основой для формирования повествований о травме, непосредственно связанных с коллективной памятью и идентичностью народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной исследовательской работы описана культурная травма как особая научная концепция, предполагающая изучение исторически-значимых событий, а также выделены основные способы мультимодальной репрезентации процесса культурной травматизации в нарративах представителей латиноамериканской лингвокультуры о конкисте.

Рассмотрены теоретические положения и терминологический аппарат, относящиеся к исследуемой проблематике работы – «культурная травма», «культурный шок», «травмирующее событие» и «коллективная идентичность». Исследованы аспекты нарратологии и даны определения понятиям «нарратив» и «нарративный анализ». Описана специфика мультимодального дискурса и мультимодального анализа. Изучены труды отечественных и испаноязычных авторов по истории Латинской Америки и испанской колонизации.

Культурная травма является результатом резкого социально-культурного и исторически-значимого изменения, произошедшего из-за травмирующего события. Процесс культурной травматизации негативно влияет на процесс самоидентификации и вызывает у членов группы кризис коллективной идентичности, поскольку ставит под сомнение стабильность культуuroобразующих смыслов определенной общности.

В связи с тем, что культурная травма хранится в коллективном подсознании и коллективной памяти народа, она оказывает влияние сразу на несколько поколений. При определенных обстоятельствах запускается процесс культурной травматизации: устанавливается связь между группой, которая непосредственно подверглась нападению, и широкой аудиторией.

Так, на языковом уровне разворачиваются так называемые нарративы социальных страданий, которые представляют собой языковые формы рассуждения и повествования, а также коммуникативное пространство трансляции травмирующего опыта. Нарративы являются особым способом

изложения материала, в рамках которого нарратор выбирает лингвистические средства для передачи опыта прошлого.

Языковая репрезентация травмы проявляется через сложный и многозначный символический процесс, другими словами, через повествование о процессе культурной травматизации с актуализацией следующих аспектов: 1) природа боли (что именно произошло); 2) природа жертвы (какая группа людей испытала травмирующую боль); 3) связь жертвы травмы с широкой аудиторией (в какой степени широкая аудитория идентифицирует себя с группой, непосредственно получившей культурную травму); 4) возложение ответственности (кто антагонист, травмировавший жертву).

Нарративные видеоинтервью с представителями латиноамериканской лингвокультуры общей продолжительностью 4 ч послужили материалом для исследования и проведения мультимодального, нарративного, лексико-семантического, коммуникативного и дискурсивного анализа. В ходе мультимедийного аннотирования в программе ELAN выделены мануальные и цефалические жесты, мимические движения и вербальные репрезентанты, актуализирующие в речи респондентов каждый из компонентов языковой репрезентации культурной травмы.

Поставленная цель исследования достигнута, а результаты подтверждают, что испанская колонизация Латинской Америки является травмирующим событием, изменившим ход истории коренных народов латиноамериканского континента, которое лишило их возможности самостоятельного развития, что, в свою очередь, спровоцировало кризис коллективной идентичности и дезорганизацию культуры общества, а, следовательно, спровоцировало культурную травму. Нарративы о культурной травме являются национальным наследием, с помощью которого члены группы могут поделиться своими переживаниями с потомками, а также сохранить историю в коллективной памяти. Язык травмы позволяет выделить

особый тип нарративов – нарративы социальных страданий, которые являются пространством трансляции травмирующего опыта.

Так, теория культурной травмы применима в рамках исследований, направленных на выявление негативных последствий, возникших в результате дезорганизации и несогласованности социокультурной системы общества. Результаты работы могут быть использованы в рамках курсов по страноведению и истории Испании и Латинской Америки.

Представляется возможным использовать их также в лингвистических исследованиях, направленных на выявление языковой репрезентации процесса культурной травматизации. Более того, распознавание в речи представителей испаноязычной лингвокультуры особых лексических единиц и грамматических конструкций, вербализующих наличие культурной травмы, позволит осуществлять эффективное межкультурное речевое взаимодействие с представителями испаноязычной лингвокультуры в Латинской Америке с учетом социально-культурных травмирующих факторов.

Метод мультимедийного аннотирования позволяет выявить мультимодальные средства репрезентации травмирующего события в речи и более подробно описать его актуализацию на разных уровнях языка.

В качестве перспектив дальнейшей исследовательской работы можно отметить возможность расширения материала исследования, привлечение респондентов другой возрастной группы, а также реализация более глубокого анализа собственно фонетического слоя речи, подразумевающего проведение исследования при помощи программного обеспечения *Praat*.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альперович М.С., Слезкин Л.Ю. История Латинской Америки: С древнейших времен до начала XX в.: учеб. пособие. М.: Высш. Школа, 1981. 295 с.
2. Андреева В.А. Литературный нарратив как интердискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Филология. Вып. 92. 2009. С. 163–169.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990. С. 136–137.
4. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: сборник работ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
5. Гришина Е.А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.
6. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Культурный шок в процессе освоения чужой культуры // Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 212–217.
7. Журавлев В.Ф. Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: методология, методы, математические модели. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1993. Вып. 3-4. С. 34–43.
8. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. М.: ИП РАН, 2010. Т.4. С. 134–152.
9. Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018а. Т.39. № 1. С. 70–80.
10. Кибрик А.А., Федорова О.В. к вопросу о структуре мультимедийного дискурса // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова / ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2018б С. 180–191.

11. Коновалова М.В. К вопросу о понятиях медиатекста и медиадискурса // Филология: научные исследования. 2018. Вып. 3. С. 212–219.
12. Куликова Л.В., Микалаускайте Е.Ю. Функционально-прагматический подход к исследованию ксенонарративных текстов в пространстве литературнонарративной коммуникации // Коммуникативные исследования. 2020. Т.7. № 2. С. 403–418.
13. Кутковая Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. Вып. 4 (16). С. 23–33.
14. Литвиненко А.О., Николаева Ю.В., Кибрик А.А. Аннотирование русских мануальных жестов: теоретические и практические вопросы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2017». М.: Изд-во РГГУ, 2017. С. 271–286.
15. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 387 с.
16. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М.: Весь Мир, 2003. 368 с.
17. Троцук И.В. Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Уникум-центр, 2006. 207 с.
18. Трубина Е.Г. Нарратология: основы, проблемы, перспективы: материалы к специальному курсу. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. 104 с.
19. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С. 5–31.
20. Тюпа В.И. Ю.М. Лотман и современная нарратология // Филологический класс. 2022. Т.27. Вып. 1. С. 55–62.
21. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
22. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества: учебник. М.: Логос, 2020. 664 с.

23. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1982. С. 238.
24. Эррера А.Р., Малинко Д.А. Конкиста: влияние на развитие Латинской Америки // Актуальные проблемы экономики и управления. 2018. Вып. 2 (18). С. 93–99.
25. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: описание, объяснение, понимание социальной реальности. М.: КДУ, 1998. 596 с.
26. Ярская-Смирнова Е.Р. Нарративный анализ в социологии // Социологический журнал. 1997. № 3. С. 38–61.
27. Alexander J.C. Toward a Theory of Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity. Vol. 1 / ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 1–30.
28. Alexander J.C. Trauma: A Social Theory. Cambridge: Polity Press, 2012. 240 p.
29. Alexander J.C. Culture Trauma, Morality and Solidarity: The Social Construction of “Holocaust” and Other Mass Murders. Vol. 132 (1) // Thesis Eleven: SAGE Journals, 2016. P. 3–16.
30. Brugman H., Russel A. Annotating Multi-media/Multi-modal Resources with ELAN // International Conference on Language Resources and Evaluation. 2004. P. 2065–2068.
31. De Fina A. Identity in Narrative: A Study of Immigrant Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2003. 259 p.
32. Dinitto R. Narrating the Cultural Trauma of 3/11: the Debris of Post-Fukushima Literature and Film // Japan Forum. Beyond Fukushima: Culture, Media, and Meaning from Catastrophe. 2014. Vol. 26 (3). P 340–360.
33. DRAE // Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс]. URL: <https://dle.rae.es/> (дата обращения: 22.04.2023).
34. Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 316 p.

35. Eyerman R. *Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity*. Vol. 3 / ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 30–60.
36. Eyerman R., Alexander J.C., Breese E.B. *Narrating Trauma: On the Impact of Collective Suffering*. New York: Boulder and London: Paradigm Publishers, 2011. 336 p.
37. Gibbon D., Mertins I., Moore R.K. *Handbook of Multi Modal and Spoken Dialogue Systems: Resources, Terminology, and Product Evaluation*. New York: Springer Science&Business Media, 2002. 520 p.
38. *Guatemala: Memory of Silence // Report of the Commission for Historical Clarification. Conclusions and Recommendations*. [Электронный ресурс]. 1999. URL: <https://hrdag.org/wp-content/uploads/2013/01/CEHreport-english.pdf> (дата обращения: 06.12.2023).
39. Hashimoto A. *The Long Defeat: Cultural Trauma, Memory, and Identity in Japan*. 1st edition. New York: Oxford University Press, 2015. 208 p.
40. Hayes P. *Lessons and Legacies Vol. 3 Memory, Memorialization, and Denial*. Evanston: Northwestern University Press, 1999. 303 p.
41. Knight D. *Multimodality and Active Listenership: A Corpus Approach*. London: Bloomsbury, 2011. 272 p.
42. Kress G. *The Multimodal Landscape of Communication*. *Medien Journal*, 2002. V. 4. P. 4–19.
43. Kress G., van Leeuwen T. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London: Arnold Publishers, 2001. 142 p.
44. Labov W., Waletzky J. *Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.
45. Manz B. *Terror, Grief, and Recovery: Genocidal Trauma in a Mayan Village in Guatemala // Annihilating Difference: The Anthropology of Genocide*. Vol. 11 / ed. by A. Hinton. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 292–309.

46. McAdams D.P. Narrative Identity // Handbook of Identity Theory and Research // ed by S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. New York: Springer, 2011. P. 99–115.

47. O'Halloran K.L. Multimodal Discourse Analysis: Systemic-Functional Perspectives. London and New York: Continuum, 2004. 256 p.

48. O'Halloran K.L. Systemic Functional-multimodal Discourse Analysis (SF-MDA): Constructing Ideational Meaning Using Language and Visual Imagery // Visual Communication. 2008. Vol. 7 P. 443–475.

49. O'Halloran K.L. Multimodal Discourse Analysis // Companion to Discourse. London and New York: Continuum, 2011. 33 p.

50. Smelser N.J. Psychological Trauma and Cultural Trauma // A Cultural Trauma and Collective Identity. Vol. 2 / ed. by J.C. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 31–59.

51. Sztompka P. Cultural Trauma: The Other Face of Social Change // The European Journal of Social Theory. 2000. P. 449–466.

52. Wittenburg P., Brugman H., Russel A., Klassmann A., Sloetjes H. ELAN: a Professional Framework for Multimodality Research // Proceedings of the Fifth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'06), 2006. P. 1556–1559.

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Институт филологии и языковой коммуникации
Кафедра теории германских и романских языков и прикладной лингвистики

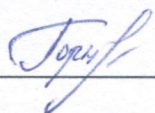
УТВЕРЖДАЮ
Заведующий кафедрой
 О.В. Магировская
«29» июня 2024 г.

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

45.03.02 Лингвистика

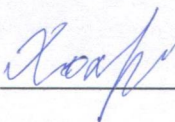
**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ТРАВМЫ
В НАРРАТИВАХ ЛАТИНОАМЕРИКАНЦЕВ О КОНКИСТЕ:
ОПЫТ МУЛЬТИКАНАЛЬНОГО АННОТИРОВАНИЯ**

Научный руководитель

канд. филол. наук,
доц. кафедры ТГРЯиПЛ
Ю.А. Горностаева

Выпускник

А.Э. Хохрякова

Нормоконтролер

Д.М. Тербаев

Красноярск 2024